

824

ДРУГЪ

ПИСЬМО ЛІТЕРАТУРНЕ.

РОЧНИКЪ ТРЕТІЙ,
1876.

Коштомъ руского Товариства „Академ. Кружокъ у Львовъ.“

Пѣдъ редакцією

Олексы Зафіовского, Николы Дольницкого и Андрѣя Павлиша,

при головнѣй помочи

Ивана Белея, Антона Дольницкого, Володимира Левицкого, Михайла Павлика и Ивана Франка.

У ЛЬВОВѢ, 1876.

Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка.
пѣдъ зарядомъ Фр. Сарницкого.

P.23930

(A)

З М Ъ С Т Ь.

Сторона.

І. Повѣсти и оповѣданья.

- Денисъ.* Повѣсть Михайла Вагилевича 2, 23, 34, 49, 65, 81, 97, 132, 148, 214, 245, 260, 278, 361.
Петръ и Добошукъ. Повѣсть въ 3. частяхъ Джеджалика 6, 19, 38, 53, 67, 88, 100, 134, 151, 161, 197, 217, 262, 281, 294, 305.
Закладъ. Н. Юкая. (Перекладъ.) . . . 28.
Листы зъ Исландіи. Новеля Г. Чокого. Перекл. Т. Авдыковича 43, 58, 75, 104, 121, 157, 170, 182.
Местъ матери. Новеля. Перекладъ Льва Кл. Г. Мухи 62, 76, 108.
На - потемки. Очерки и образки изъ сучасного житія А. Переплиса 113, 129, 145, 193, 209, 275, 291, 313, 321, 337, 353, 369.
Отравленный дяконъ. Повѣсть Иванова 116, 136, 154, 165, 177.
Бесѣдники нашего села. Оповѣданье Ермана Шатріяна. Перекл. Ром. Розм.... 257.
Добрѣ давній часы. Оповѣданье Ермана Шатріяна. Перекл. Ром. Розм.... 273, 289.
Саламбо. Урывокъ изъ повѣсти Густава Флобера. Перекл. „А paulo“ 326.
Простакъ мужикъ и жидъ хитрецъ. Оповѣданье. Перекладъ Ром. Розм.... 344.

2. П о э з і и.

- Рожъ.* 10.
Всходъ сонця. И. Я. Франка 18.
Пѣсня задунайская. Джеджалика 33.
Наймѣтъ. Мирона *** 312.
Поступовець. Мирона *** 321.
Зъ „Альбома“ Володимира Б... 337.

3. Розправы, письма и оцѣнки літературнѣ, критичнѣ, этнографичнѣ, науковѣ и инч.

- Нове житѣ - новый ладъ, Маруся, Наша хата, Повѣсти для дѣтей, Лопата, Граматика малоруского нарѣчія, Подорожъ вокругъ землі, Maroussia, Домашній скотъ, Любовь отчины. (Короткѣ вѣсти літературнѣ) 15.
 Черногора. (Перевѣдъ). 10.
 Перлы. (Перевѣдъ). 11.
 Теперѣшныи приборы и снаряды и ихъ исторія 12.
 Вступная рѣчь Дра Климента Ганкевича держ. дня 16. (28.) Октября 1875 при розпочатію преподаваній литерат. русск. въ универс. Черновецкомъ. (По стенограф. запискамъ). 13.
 Mehr Licht! Mehr Licht! 17.

Сторона.

- Женщина - мати 29, 60.
 Письма К. Н. Устияновича ч. І. (Словце критики.) 31
 Практичный порадинокъ рахунк. (Вѣстка літ.) 32.
 Поэзія и ея становиско въ нашихъ временахъ. Студіумъ эстетичне Ив. Франка. 44.
 Нѣкоторыя историкогеографическія свѣдѣнія о Буковинѣ. (Оцѣнка.) 47.
 Оповѣданье про жите св. мучениковъ Бориса и Глѣба. (Оцѣнка.) 48.
 Нове житѣ, новый ладъ (Оцѣнка.) . . . 48.
 Заджумленныхъ батько. (Оцѣнка.) . . . 62.
 Спѣванки школьнѣ; Бесѣдка; Роздѣленное сердце; Настуня. (Оцѣнка.) 63.
 Перше Мізерѣвка, потѣмъ Гараздѣвка (Оц. д. †.); Другъ Народа (Вѣст. літер. д. †.); Кореспонденція зъ Вѣдня за „Роздѣленное сердце“. 95.
 Второе письмо въ редакцію „Друга“, д. Украинца (М. Драгоманова) 77.
 Отповѣдь на „второе письмо“ д. Украинца 92, 109, 126.
 Изъ устъ народа 106, 124, 366.
 Стрижокъ, збѣорникъ поезій сатиричныхъ, епиграмовъ, розказѣвъ и пр. (Оцѣнка д. †.) 108.
 Изъ русской общественной жизни. М. Д. 116.
 Вступна бесѣда, выголошена на музыкально-декламаторскомъ вечерѣ во Львовѣ въ 33. роковщину смерти Маркіяна Шашкевича дня 12 (24) червня 1876. Антона Дольницкого 186.
 Що то таке провизорія и якъ ведеться єѣ. (Оцѣнка.) 144.
 Бесѣдка П. Помаранча. Новелетта. (Критична розвѣдка. Калатала.) 172.
 Крайне слово. Отповѣдь д. Х. на оборону д. Верхратского 174.
 Жите Тараса Шевченка. Читанка для селянъ и мѣщанъ. (Оцѣнка.) 140.
 Піяньство нещасте и погибель народа. (Письмо літературне д. Х.) 141.
 Байки, приказки и повѣстки. (Оцѣнка д. †.) 141.
 Еще разъ о „Стрижку“ (Письмо літер. д. Ч.) 142.
 Надѣслане. (Оборона д. Ив. Верхратского.) 159.
 Гостинець изъ Черновець. (Крит. розв. д. Х.) 175.
 Наша хата, книжочка для русскихъ дѣтей. (Критична розвѣдка.) 191.
 Триолеты. (Критична розвѣдка.) . . . 191.
 Третье письмо Украинца въ редакцію „Друга“. М. Драгоманова 201, 222.
 Потреба этнографично-статистичной работы въ Галичинѣ. (Одчитъ Мих. Павлика.) 203, 228, 248.
 Tandem, поеднанье академическ. Товариствъ. 206.
 Що для здоровья чоловіка конечно треба. (Оц.) 207.
 Т. Г. Шевченко. (Вѣстка літературна.)... 207.

- Критика на „Друга“ и ђтзывы о немъ. (Ѣтпо-
вѣдь редакціи „Друга“. 232.
Lex Iusephovicia и галицкїи адвокаты еи 253.
Павло Свѣй (Павлинъ Свѣнцицкїи — Стахур-
скїи. Посмертна згадка.) 284.
РѢвноуправненїе руского языка въ школахъ 285.
Руска народна поезїа пѢдъ взглядомъ прозодїи.
(Изъ розпр. О. Тороньского.) 301, 331, 346, 365.
Критика и Общество. Найновѣйшїи этнографично-
статист. праці про Турцію и Славянъ приду-
найскихъ. „Unter dem Halbmonde v. Schweiger-
Lerchenfeld“. Vom Schwarzen Berge von Gu-
stav Rasch.“ Восточный вопросъ а беллетристи-
ка. (Изъ жизни Христїанъ въ Турціи, повѣсти
и розказы К. П. Леонтьева.“ Poesie Dusana
Savy Perkina, wäzok I.) — (Письмо літерат.) 302.
Kronika codzienna и рускїи народовцїи. „Просвѣ-
та“ и еи заходы окола народа. Популяризація
науки. ТверезѢсть и „Трийцять лѣтъ Тверезо-
сти“ д. Барвѣнського. Гумористика и Kri-kri д.
П. П. „Слово о пѣлку Игоревѣ“ О. Огоновско-
го. (Письмо літературне.) 317.
„Другъ“ а „Слово“ и ще дещо-денещо на сесю
тему. (Письмо літературне.) 332.
Наша поэтична література, еи напярмы та общес-
твенна пѢдстава. Безталанний, Тарасова нѢчъ
Иванъ ПѢдкова та другїи творы Изъ Пасѣчин-
ского, ихъ стѢйноѢсть поэтична и языкова.
(Письмо літературне.) 348.
Рускїи народный театръ у Львовѣ 366.

4. Дописи и справозданья.

- Зъ ПѢдгаецъ. (Тов. „ПомѢчъ“ въ ПѢдгайцахъ.) 318.
Зъ Тернополя 319.
Справозданье зъ дѣяльности Выд. Тов. „Академ.
Кружокъ“ за рѢкъ шкѢльный 1876. 329.
Справозданье Тов. „Сѣчъ“ у Вѣднизар. 1875/6. 347.

5. Новинки.

- Бѣстки изъ Товариства „Академич. Кружокъ“ 16,
48, 63, 80, 96, 144, 160, 191, 208, 319, 351.
Товариство археологичне у Львовѣ 16.
Тов. Им. М. Качковского 32, 96, 144, 243, 256, 288, 336.
Ѣтповѣдь на коресп. „изъ Станиславова“; Именованье
тов. „Буковина“ членѢвъ почетныхъ; Сев. Гоцип-
скїи; Францъ Деакъ 64.
Вечеръ музыкально декляматорскїи въ 15. роковины
смерти Т. Шевченка 96.
Вѣстка о печатанью всѣхъ творѢвъ М. А. Максимовича 96.
Вѣстка о тѢмъ, що Парижанки перестаютъ носити
чуже волосье 96.
Ѣтвѣтъ г. Эксъ театр. рецензенту, „Друга Народа“ 112.
Любовныи письма Царевича 112
Вечеръ музыкально декляматорскїи въ память данои
свободы въ рускѢмъ сѣменищи 144, 160.
Концертъ музыкально вокальный на корысть бѢдныхъ
ученикѢвъ ц. к. гимназіи академичнои 144, 160.

- Ѣтповѣдь г. Ст. Лабашу и его оборонителю, Ѣтъ
Академ. Кружка 176.
Товариство „Просвѣта“ 189, 244, 320, 336, 352.
Вечеръ музыкально-декляматорскїи въ 30. рѢчницю
вступленьїя Ця IX на папскїи престѢлъ, урядженїи
питомцами руского сѣменища 189.
Вечерокъ музыкально декляматорскїи въ память 33.
роковины смерти Маркїяна Шашкевича, даный обома
академичными Товариствами: „Академ. Кружокъ“
и „Дружнымъ Лихваремъ“ 190.
Братство „Штунды“ въ Россїи 190.
Испыты штатскїи на тутешнѢмъ университетѣ . 190.
Галицко-руска Матица 191.
Царскїи указъ зъ дня 5. Червня 1876. ч. 3157, 208.
Змѣна друкарни 208.
Творы Вербицкого 242.
Продовженье исторїи Дра Изъ Шараневича . . 243.
Поясненье 243.
Редакция „Слова“ — а скопцїи 244.
Французы про Шевченка 244.
До шп. ученикѢвъ и академикѢвъ 244.
Изъ Станиславова 256.
Днѣстрянка, „Академич. Кружка“ 272, 304, 336.
Павло Свѣй 272.
Фотографїи костюмѢвъ рускихъ 272.
Вѣстка о „НаціональнѢмъ украинскѢмъ музыкаль-
нѢмъ обществѣ въ Харьковѣ“ 272.
Засудъ, „затверджаючїи конфискату ч. 17. „Друга“ 286.
Загальний собранья „Русскои Рады“ и „Нар. Дома“ 286.
Рускїи выклады на ц. к. университетѣ ЛьвовѢмъ въ
зимовѢмъ пѢвротчїю 1876/7 304.
Августъ Вѣльовскїи 304.
Академична Гимназія 304.
Рускїи народный театръ 319, 335, 352.
Образы 320.
Вечеръ вокально-инструментальный въ честь Мих.
Качковского 335, 351.
Новости літературни 335.
Уваровска премїя 352.
Выстава часописей, власноручїи, и рукописей въ Пра-
зѣ 352.
Наука Ив. Наумовича 368.
Ѣтповѣдь на вступну статью помѣщену въ ч. 21.
„Русскои Рады“ 368.

6. Библиографїя

була помѣщена на стор. 207, 255, 286, 319, 335, 350.

7. Всячина

була помѣщена на стор. 15, 16, 32, 63.

Заявленья, подяки и Ѣдозвы,

- Ѣдозва Ѣдъ Тов. Им. Мих. Качковского 160.
Ѣдозва Выдѣлу Тов. „Академич. Кружокъ.“ . . . 160.
Заявленье тов. Олексы Заѣвовского 160.
Подяка „Академич. Кружка“ и „Дружн. Лихваря“ . . 208.
Ѣдозва Выдѣлу Тов. акад. „Дружный Лихварь“ . . 191.
Ѣдозва ВыдѣлѢвъ „Академич. Кружка“ и „Дружн. Лихваря“ 288.
Заявленье Выдѣлу Тов. „Сѣчъ“ 288.
Ѣдозва Выдѣлу „Академич. Кружка“ 329.
Ѣдозва межнародного Тов. Женщинъ въ Италїи . . 334.

9. Ѣдъ Редакци.

було на стор. 1, 16, 64, 80, 112, 192, 208, 244, 288, 304, 320, 336, 368

КрѢмъ того були: Переписка редакци, оголошенья
и надзвычайный додатокъ до ч. 10 „Друга“ п. з. „Спра-
воздане зъ дѣяльности Выдѣлу Товариства Просвѣти“

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяця.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 н.
на полъ г. 1 зр. 80 н.
на кварталъ 90 нр.

ДРУГЪ

Редакція и адми-
нистрація улица
Краковская ч. 19.

Неопечатанныя ре-
кламаціи принима-
ются на почтъ без-
платно, и увзгляда-
ются лишь до 14 дней

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

ДО РОДИМЦЕВЪ.

Новый рѣкъ, — новыи надѣи, — говорятъ звычайно наши люди. Новый рѣкъ, — новая праця, — говоримъ мы. Такъ, — праця, шира, совѣстна праця, то наша надѣя, — она толькo есть нашею доскою спасенія середъ потопа непріязныхъ обстоятельствъ.

До той поры не мало белетристическихъ часописей появлялося въ нашей Галичинѣ, — не, всѣ выдаваны были людьми старшими, маючими и голоскѣише имя въ нашей словесности и большо опыта въ дѣлахъ издательственныхъ. Якѣи были успѣхи тыхъ писемъ, — не наша рѣчь выказовати, заслуги ихъ въ нашей словесности, не станемъ судити. Нашъ „Другъ“ то перше письмо издаване людьми молодшими, — академиками. Мы, сами до аваючи ся свѣтла науки, стараемся ширити то свѣтло дальше, стараемся вливати въ якъ найширшій кругъ нашихъ собратей тоє житѣе, ти думки и ти чувства, якѣи насъ понукуютъ до працѣи для блага Руси!

Трудне наше становище; — со всѣхъ сторонъ множество препятствій, но щира воля по-служити, хотябы невеличкою лептою, до подвиженія нашей народности, велитъ намъ вытревати, — велитъ намъ зновъ вступати на трудную дорогу, которою мы уже два лѣта ступали.

Чи мы черезъ ти два лѣта отвѣтили требованіямъ П. Т. Родимцевъ, — чи мы исполнили надѣи на насъ положены, чи мы отвѣтили точно вымаганьямъ, якѣи сами до себе ставимъ? Не знаемъ. Но знаемъ, що мы широко працювали! Мы знаемъ, що всѣ свои силы, всѣ свои знанія мы охотно и радо несли въ жерству родной земли, родной мовѣ, родному народу!

Судѣтъ насъ, братья, пѣсля дѣлъ нашихъ! Такъ. И мы сами себе такъ судимъ, и намъ не тайны наши похибы, наши недостатки. Но если дѣла не отвѣтятъ справедливымъ требованьямъ, то погляньте и на нашу ширую волю и на трудности, которые за каждымъ крокомъ приходило намъ переломувати.

Съ новымъ годомъ звычайно всѣ, а особливо наши русскіи часописи розводятъ ереліады, що змыи часы, кошта великіи, предплата мала и неточна. Щожъ намъ дѣлати? И мы не лучше стоимъ — но мы не жалуемся. Намъ не иде о зыскъ, намъ не иде о ніякіи эгоистичныи цѣли. Наша цѣль, — то успѣванье и пѣднесенье „Друга“, — единой на теперъ въ своемъ родѣ часописи у насъ. Наша цѣль, — есть тымъ самымъ пѣдданье П. Т. Родимцяма корму духового, подавье нашей молодежи здоровой пищи, чтобы изъ неѣи колись выросли мужи, подпору нашей народности и защитники правды и свободы. Мы не жалуемся на скудность нашихъ средствъ и силъ, — но мы сильно уповаемъ на взгляды П. Т. Родимцевъ, що и на дальше не лишатъ тихого и щирого „Друга“ который неразъ може розважылъ и потѣшилъ ихъ въ хвиляхъ тоски теплымъ русскимъ словомъ!

До Васъ предовсемъ, русскіи Дѣвицѣй-красавицѣй, звертаемся съ новымъ годомъ. Если въ минувшихъ лѣтахъ „Другъ“ нашъ умѣлъ статися Вашимъ другомъ, — не лишѣтъ его и теперъ во-ихъ взгядѣвъ, и привитайте ласкаво, щирорусскимъ сердцемъ знакомого гостя!

И ты, надѣе нашего общества, учащаяся молодежь, не занедбай корыстоватися тымъ, що въ братней охотѣ подаютъ Тобѣ старшіи братья! Твое призначенье, — ступати дальше путемъ, которымъ мы ступали и въ будучности розвивати дальше дѣло, надъ которымъ мы трудимся. О, старайся зарана пѣзнати свою цѣль и стежку ведучу до неѣи!

Прощайте намъ! Съ новымъ годомъ желаемъ Вамъ нового счастья, новыхъ надѣй, новыхъ силъ. Но нехай съ старымъ годомъ не кончится старая ширость, старая дружба, старая любовь!

Д Е Н И С Ъ

повѣсть.

Написалъ Михаилъ Вагилевичъ.

І. Щось мабуть прологъ.

— Чому ничо не пишете? — спросила разъ мене чорноока чародѣйка, къ которой — призна- тия мушу — сердце мое... ей по що тамъ отно- вляти заблѣзненные раны — она днесъ женою дру- гого, но тогды еще была свободна рукою и — серд- цемъ. Сердцемъ? кто знае — но по щожъ дер- жала мя въ таинственнѣмъ чувствѣ кружъ? Днесъ все минуло а въ души осталася сгадка — якъ пѣснь дика, сумна, якъ плачь журавля, который запѣд- нился въ дорожъ и samotный шибуетъ по блакитныхъ просторахъ... Я подобный журавлю тому, но дайте менѣ его крыла, а знайду собѣ дорогу, — якъ Ко- люмбъ выплыву на незнаныи океаны и въ борьбѣ съ элементами забуду о ней...

Былото въ осени, коли я дѣзнался о ей из- мѣнь. Вѣсть та стиснула мя за сердце и здавалося мнѣ, що вся кровь утыкае мнѣ зъ лица. Я забажалъ самоты и выйшовъ на поле. Сумно было до кола — осѣнь пожолтила листьє на деревинахъ и цвѣтамъ розвѣяла чола. Подобна до ангела смерти таинствен- ныи до деревъ сказала слова: замирайте дерева! Заумерли и опали.

Мысль смерти прольясася зъ природы въ мою душу, чи зъ души моей въ природу? — Сумный, тужливый, поблѣдлый глядѣлъ я на сконъ цвѣтѣвъ, а зимный осѣнный вѣтеръ розвѣвалъ мнѣ волосѣе, що въ неладѣ спадало на чоло.

Тихо, отлюдно и зимно! Зъ сельской церкви роздался гомонъ звонѣвъ — завтра припадала не- дѣля — но зъ моей души и зъ увялой травы го- монъ той нѣякой не выкличе молитвы. — Земля мо- литися буде, коли оживить ю сонце а я, якъ де- рево зварене морозомъ — въ моей души теперь сто мыслей, сто чувствѣ, сто увялыхъ цвѣтѣвъ.

— Бо щожъ сталося съ чувствами, которые я въ груди моей плакалъ?

— Увяли.

Якіижь мысли, якіижь думы шибуютъ теперь въ души моей?

— Въ души моей шумъ безъ гармоніи выразѣвъ.

Нехай молнія въ мене ударить и въ тлумѣ тыхъ мыслей яку мысль велику розъярить. Боже! здойми зъ сердца мого той ластѣвочій непокѣй, одну мысль розъяри и цѣль той мысли выпорокуй, а стануся ей орудіємъ, годинникомъ: на лиці ю окажу попхну біеніємъ сердца, вызвою словами и докончу житіємъ.

Но теперь время розвязати вопросъ — чимъ быти на свѣтъ? Я безсильный не могу, якъ Едипъ розвязати загадки Сфинкса. Теперь Сфинксѣвъ на-

множилося; всюда таинъ полно. Свѣтъ не розши- рился, а зыскалъ на глубинѣ. Верхомъ плыве чело- вѣкъ, но если глубины кулею не змѣрилъ: самъ не знае чи плыве, чи стоить на мѣстци — коли бе- регъ ему зъ очій исчезне.

На передъ! Кажда дорога провадитъ на край свѣта и накаждой минати потреба, якъ милевый столпы — старыи предрозсудки. Нѣтъ! то суть радше кресты при убитѣмъ шляху, Человѣкъ про- стый крыстится и поклонъ отдае, коли ихъ ми- не. Мудрецъ погорджае убитою дорогою и новый шляхъ людямъ вытыкае и люди поволи пойдуть тымъ шляхомъ; а давна дорога травою заростае. На оса- мотнѣлѣмъ крестѣ часомъ столѣтний крукъ усяде и закраче, часомъ прійдуть дѣти зъ недалекого села, щобы у стѣпъ старого креста въ пѣску забавлятися. Бывае, що хрестъ спорохнѣлый лѣтами валится и убивае не одну дитину, а родичи потомъ плачутъ и жалуютъ, що забули передъ часомъ обалити ста- рый крестъ.

Маяужъ я ити въ свѣтъ пѣдрубовати такіи спо- рохнѣлыми дерева?

Добре

Воля есть по тому, но гдежъ орудіе?

Се вопросъ.

— Чому не пишете? сказала разъ она до мене...

Писати? Перо, то орудіе духа. А у насъ поле- тое доси стоить облогомъ — люди взялися упря- вляти оное...

Но чижъ я достоинъ стати въ фаянзъ?

Было время, коли я въ мечтаніяхъ моихъ ди- тинныхъ инакше изображалъ собѣ свѣтъ и людей, днесъ око мое прозрѣло: есмь въ состоянію разли- чити шихъ отъ золота — нагу правду отъ позору. Но образы мои дитинныи въ души затерлися — нынѣ порѣвную ихъ, якъ описи подорожи. Нага правдо! нагороди мя за мои мечтанія и здѣлай, що- бымъ потрафилъ оцѣнити себе, коли маю оцѣняти другихъ. Характеръ мой есть мышаниною вадъ и до- брыхъ свойствъ. Есмь гордый на мои умственныи дарованія. Кто хоче, може знайти въ мнѣ отгѣнь личного удовольствія, которое можнабы назвати са- молюбіємъ. Есмь непостоянный, часомъ розсѣянный, но всегда щирый, якъ дитина. Тое, що чувствую маюеся на моемъ лиці и не укрываю николи того, що мыслю. Но сердце мое есть добре, богате; на- вѣтъ любити, посвятитися для тыхъ, которыхъ лю- битъ есть въ состоянію. Люблю ближнихъ и коли благородныи гадки овладѣють мою душу, то ба- жалъ бы я цѣлому свѣту вляти вѣру въ добре и величае, свое упованіе въ Бога, свои золотыи на- дѣи. Свѣтъ здаеся мнѣ огородомъ полнымъ рожъ, а жизнь за коротка, щобы натѣшитися щастіємъ о- которомъ сню.

Словомъ, есть въ мнѣ все — кромѣ одностайности.

При тѣмъ есть въ мнѣ великая жажда науки и славы. Фантазія моя бѣльше горяча нежъ жива, а неограничене почитаніе къ всему, що велике и благородне — выполняютъ мой духовый образъ.

Всѣ тѣи свойства моглибы мене може далеко запровадити еслибы не хоробливая майже певнѣсть себе...

Тая певнѣсть и днесъ подала мнѣ перо до руки. Много важу.

Писати значить тѣлько, що при колісцѣ новонародженного дитяти думати о его будучности. Зъ подѣ повитій выглядаетъ неразъ смертельное покрывало, — въ крещенію есть уже задатокъ послѣднѣго помазанія.

Чижь не такъ?

Я не хочу — ба и не умью теперь ничъ иного писати кромѣ повѣсти. — И то вопросъ, но припустѣмъ, що мое сочиненіе не остоится противъ критики, то кто буде читати? кто заглубится въ его мысль и доспѣваетъ собѣ въ души — послѣднее слово?...

Неразъ зимою усядуть дѣвчата коло теплои печи и перечитають, насмѣются и недокончивши може, вытрутять за двери, коли появится новый французскій или англійскій гѣсть.

А надѣ отрученою повѣстію кто заболѣе? Авторъ.

Не диво, то дитя его духа, най буде уломне! Родичи для уломныхъ дѣтей кромѣ любви чувствуютъ еще — милосердіе.

Но нехай буде що хоче, я на все готовъ. Писали люди передо мною, писати будуть и по мнѣ и я попробую своихъ силъ на тѣмъ поли.

Такъ зродилася въ мнѣ гадка написати повѣсть.

Но кто береся за якое дѣло потребуе передъ всемъ матеріалѣвъ. Менѣ судьба спріяла въ тѣмъ случаю; не я за матеріялами, они шукали за мною. Добрый знакъ!

Хвильку терпеливости а розкажу, якимъ дѣломъ прійшоу я до того:

Отъ якогось часу вѣйшло у мене въ звычай ходити що вечера до вѣденьской кофейни на каву. Тамъ собираются мѣшаной ранги, эмерыты бюрократы, войсковая интеллигенція, словомъ самыи порядными и поважными люди, а що я до того рода такожь причисляюся, тожь не диво, що *similis simili gaudet*. Що найважѣйша, тамъ нема кавярокъ, тѣлько одна и то стара и бридка сидитъ за лядою и выдае цукоръ и рогальки, а я — противъ звычай нашої позолоченой молодежи — не знаходжу въ общенію съ того рода индивидуами нѣякого удовольствія. Тоже не диво, що тамъ наша молодша генерація дуже нечисленно репрезентована, а коли якій заблудить, то такъ тѣлько якбы на попасть и выносятся дальше.

Разъ, а было то въ такій часъ, коли въ моей души розгосподствовала якась дивная апатія къ всему и на все, що мя окружало — сидѣлъ я собѣ въ кофейнѣ и держалъ въ руцѣ *Fliegende Blätter* — мимоходомъ сказавши я часомъ люблюся въ того рода публицистицѣ — но днесъ навѣтъ не хотѣлося мнѣ читати. Коло мене стояла порожня таса кавы; я замыслился, не знаю уже добре о чѣмъ, бачу роздумовалъ я где бѣльше содержанія, чи въ тѣй порожней шклянцѣ, чи въ первѣмъ числѣ бл. п. нового „Страхопуда“.

Въ тѣмъ, ктось положилъ мнѣ руку на рамя. Кто то, що перерывае мнѣ такъ глубокии думы?

Оглядаюся, и виджу передъ собою якогось господина дуже порядно одѣтого, бо малъ на собѣ даже рукавички... Чоло высокое, очи черныи, блѣдый лицемъ, а борода а la Napoleon III. додавала выразистымъ рисамъ его твари бѣольшой поваги.

Онъ съ полусмѣхомъ глядѣлъ на мене.

— Напастъ — думаю собѣ — я его не знаю а онъ за панъбрать съ мною.

Онъ первый промовилъ:

— Ты бачу не познаешь мене...

— Не пригадую собѣ... нѣтъ не маю чести...

Онъ опять усмѣхнулся и погладилъ собѣ бо-роду а la Napoleon III.

— Видно — замѣтилъ — недобру память маешь до физиономистики.

— Чи не Денисъ?

— А, предцѣнь! Та правда, уже на четвертый рѣкъ, якъ мы бачилися.

И мы уцѣловалися сердечно.

— Гдѣжь ты черезъ той часъ перебуывалъ? — пытаю я по хвили Дениса — чую, що гдѣсь ажъ по Нѣмеччинѣ шибало тобою.

— А такъ. Черезъ цѣлый годъ былъ я въ Берлинѣ.

— А давно повернулъ зъ ѡттамъ?

— На початку серпня. А щожь ты порабляєшь?

— Я?! ничего. Завсегда есмь, былъ и буду трудолюбивымъ неробомъ. А щожь теперь намѣряешь дальше робити?

— За пару недѣль сѣдаю до испиту.

— А потѣмъ?

— Запрошу тебе за дружбу.

— Женишся?! где? съ кимъ?

— Потѣмъ о тѣмъ; передъ всемъ маю до тебе важное дѣло.

— Тѣлько чтобы не якии весѣльными комиса или щось съ того рода, бо я кажу ти на передѣ, що я до того весьма нездалый.

Денисъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ! то не комисъ — сказалъ — ани щось въ тѣмъ родѣ, то щось важѣйшого

— Прощу — то и я на щось могу придаться людям — Ну, щожь то такого? Онъ вынулъ зъ кешень якуось рукопись и подалъ ю менѣ:

— Гляди.

Я розглянулъ по рукописи — щось мабуть повѣсть.

— Щожь то есть?

— Неудольное представленьє людской недоли.

— Авторъ?

— Я самъ.

— En parenthese мушу замѣтити, що всь авторы даже кандидаты на авторствъ, суть дужє завистныи люди; каждый зъ нихъ хотѣлбы всю читающую публику только для себе приобрьсти а своихъ братій природныхъ по Фебъ — бо Фебъ, якъ извѣстно имѣлъ десять женъ — радбы въ ложцѣ воды утопити.

И менѣ дужє не понравилось, що Денису прийшла охота забавитися въ автора, тожь зробилъ я мину якъ мати, которая четырнадцатилѣтнюю дочку застала при ляльцѣ и отозвался:

— То ты на такіи рѣчи время теряешь? залиши тое. А если хочешь рукопись добре ужити, пожертвуй ю твоей суженой на великодныи мазурки.

— Шуты здоровъ — отвѣтилъ онъ добродушно — я хочу тое печатати.

— O sancta simplicitas! — вскрикнулъ я.

— Чомужь тое тебе такъ удивляе?

Я молчалъ.

— Такъ — продолжалъ онъ — намѣряю печатати, най и люди тое пѣзнають, хотя не для нихъ я писалъ, но за для того, що мила челоувѣку згадка минувшихъ дѣтъ. Шкода, щобы тое облогомъ лежало; отъ най иде: не одному, що — такъ якъ я давнѣйше — бѣдує, гѣрку долюулегчить, не одного розсмѣшити, многихъ поучить, а ворогамъ нашимъ докаже, що еще не загибла въ русской груди твердая воля.

Я покивалъ головою якъ челоувѣкъ, который удає удивленого.

— Го-го-го! отозвался — тамъ мусить быти только челоувѣколюбныхъ идей, що камѣня на нову городску церковь! Но шкода твоихъ усилій...

— А то задля чого?

— Цѣла грамота буде лежати безъ ужитку, якъ тое камѣня.

— Гм... воркнулъ онъ и засумовался а я радъ былъ, що ударилъ въ слабую сторону ново упеченого автора и щобы ему оказати, що я уже острѣляю въ томъ заводѣ продолжалъ:

— Я на твоимъ мѣстци ужилбы тыи высокопарныи идеи только за пѣдставу и на ней неначе на тлѣ начерталбы якій любовный образъ — тое бодай молодымъ дѣвицамъ припалобы до смаку.

Денисъ взялъ мене за руку.

— Если только о то ходитъ — сказалъ, — то моя грамота не совсемъ неудачна. О любви я не забылъ, бо любовь, дружє, и юность то двѣ рѣдныи, нероздѣльныи сестрицѣ; разомъ родятся, разомъ цвигутъ и разомъ вянутъ.

— Овъ — думаю собѣ — якъ еще поэтично говорить! — Кто знае, чи въ томъ его шпаргалъ не найшлосьбы щось полезного бодай до Д...

Онъ стиснулъ мою долоню:

— Ты мнѣ допоможешь въ томъ дѣлѣ, — отозвался.

— Я?!

— Ты. Надюся, що не откажешь мнѣ.

— Я не есмь ани редакторомъ нѣякои часописи, ани завѣдателемъ печати, ани ливерантомъ друкарского паперу... Радъ бы я знати, що тобѣ въ томъ помочи могу.

— Тутъ маешь сырый матеріалъ; надай ему форму и барву и цѣлость, вотхни жизнь...

— То значить только, що пиши на ново, но любезнѣйшій въ злое время удался ты до мене; я теперь чѣмъ иншимъ занятый.

— Може пишешь нову яку повѣсть?

— Нѣтъ еще, но думаю надъ тымъ.

— Тожь возми мою рукопись, тутъ маешь жерело навѣтъ на три повѣсти.

— Все красно но мнѣ здаеся, що я самъ потрафлю быти собѣ проводникомъ и самъ за себе отвѣтити. На послѣднѣмъ словѣ положилъ я натискъ, щобы дати ему пѣзнати, що я не думаю строити когось въ свои пера.

— Розумѣеся — сказалъ онъ съ на полу ироничнымъ усмѣхомъ — и ты думалъ челоувѣче, що я хотѣлбы взяти на себе. отвѣчательность за повѣсти автора Домны Розанды?

Я зробилъ мину якъ челоувѣкъ, которого оскорблено на чести.

— Щожь хочешь отъ той бѣдной Домны Розанды?

— Ничого, ничого — но пѣзнавши твой потягъ до ницованья чужихъ матеріалѣвъ, удаюся и я до тебе, щобысь принялъ и мою лепту для литературы русской. Ну и щожь принимаешь?

— А якіижь условія ставляешь?

— Безъ всякихъ условій.

— Заглавіє?

— Якое хочешь.

— Пѣдъ чѣмъ именемъ.

И то оставляю тобѣ до воли.

Мы еще долго балакали — потѣмъ и розѣйшлись.

А теперъ милыи читательки желаю вамъ съ новымъ годомъ всего блага, доброй забавы въ мясницѣ якъ чайскорше слюбного вѣнка и отдаю пѣдъ ваше

покровительство повѣсть Дениса. Для васъ буде то може только нисколько записанныхъ картинъ, но для него то часть его жизни; онъ слезы проливалъ тамъ, где вамъ здаеся, що смѣся зъ васъ и зъ себе. Тожъ я за него благаю васъ, посвящать хотя одробину сердца и души тамъ, где онъ цѣле сердце и всю душу вылялъ.

Въ Львовѣ, въ сѣчню 1876.

II. Повѣсть Дениса.

Tam spędziłem wiek mój młody.

Зъ пѣсни Кропинского „Tych brzóz kilka”.

Недалеко Сокала лежитъ невеличкое село. Меньша о тое, якъ его означаютъ на топографической картѣ Галичины. Его хатины розложилися надъ берегомъ Буга, мовъ стадо галичъ на облозъ, а есть тамъ одна скрайна отъ зеленой дубровы, низенька якъ другія, съ двома малыми оконцами, якъ двое очій въ головѣ. Два яворы и старая липа растутъ побѣчъ неи, а невеличкій, молодой садокъ окружилъ ю зеленымъ вѣнцемъ, — коротко, совсемъ подобна оной, якую мусьлъ мати на гадцѣ Тарасъ Шевченко, коли писалъ:

*Садокъ вишневый коло хаты
Хрущи гудуть надъ вишнями. и пр.*

Въ той хатинѣ узрѣлъ я свѣтъ Божій, о еи стѣны отбилися слова первой молитвы, котору я дитинными устами отмавлалъ за матерью. Трехъ сыновъ и двѣ дочки было насъ у родичей, а я былъ наймолодшимъ въ ихъ черзѣ и любимцемъ матери...

Милыи читательки! позвольте мнѣ закинути заслону на образъ моего дитинства. Ничого любопытного для себе не найшлибы вы тамъ. Житѣе мое въ первыхъ лѣтахъ подобне было до житѣя тысячи иныхъ селянскихъ дѣтей, що мають убогихъ родичей.

Васъ то може занимати не буде, що въ моей груди будить сумныи а заразомъ солодкіи згадки и восминки.

Боже! що то за сила, що тягне мысли и сердце человека въ краину дитинныхъ лѣтъ? що звертае гадки на тѣи нивы, где то хлопятемъ за мотыльками уганялося? Неразъ вольныи торы гадкамъ розпушу — здаеся мнѣ, що чую тихій шепотъ того поточка на которѣмъ съ ровесниками моими ставлялъ я мѣстки и закладалъ тамы; здаеся мнѣ, що якъ звукъ ангельской гармоніи долѣтае мене гдесъ далека, шумъ той липы, що буйнымъ листемъ, якъ покровомъ нашу стрѣху отъняла. Най теперь смотрю на цвѣтки; не мають они для мене того уроку, — бо то не тѣи самыи, на которыи глядѣлъ я дитинными очима. Всѣ липы зъ цѣлого свѣта не стануть мнѣ за ту одну, въ тѣни которой я колись бавился, а зъ всѣхъ рѣкъ — рѣка Бугъ мнѣ наймилѣйша, бо

срѣбныи еи струи видно было зъ оконця моей родинной хатины.

Увѣряю, що еслибы нынѣ прійшло прощатися съ свѣтомъ, за ничимъ не былобы менѣ жаль, только тою оболонею, где только было цвѣтѣвъ, только за солнцемъ, що то надъ заходомъ оглядаеся въ серебрянѣмъ зеркалѣ Буга, только за тымъ мотылькомъ, которому я разъ зъ пустоты оборвалъ крыльця.

Разъ — а былъ я тогда въ Берлинѣ — сидѣлъ собѣ въ моей комнатѣ и студіовалъ оды Горация, коли долетѣлъ до моихъ ушей тихій звукъ піана, а по хвили розлялся звонкій голосъ дѣвочій. Я пересталъ читати и прислуховался пѣнію. Ктось спѣвалъ за стѣною извѣстну пѣсню:

Ach, aus dieses Thales Gründen

Щось мя тронуло и важко и любо зробилося мнѣ на сердци. Пѣснь гомонѣла а сумныи еи тоны найшли отголосъ въ моимъ сердцю, а коли зачулъ слова:

*Hätt' ich Schwingen hätt' ich Flügel,
Nach den Hügeln zög' ich hin...*

не мѣгъ явдержатися отъ слезъ; но позволилъ имъ плысти, бо такіи слезы не понижаютъ человека. Батько, мати рѣдна, хата наша, Бугъ синій, все а все стало менѣ теперь передъ очима моей души такое самое, якое я передъ лѣтами оставилъ, щобы въ широкѣмъ свѣтѣ шукати доли.

Но — досыть, мое неудалое перо не до того, щобы пѣднести читателя до чувства, которое въ моей груди грае, бо небо не подарило мнѣ таланта Ляфонтена, що то надъ леда здонтаною цвѣткою умѣлъ трены выводити и другихъ до слезъ побуждати...

Я намѣрилъ моимъ читателямъ описати дѣи моего житѣя.

Былъ въ нашѣмъ селѣ старый дякъ, одинъ человекъ, который умѣлъ читати и то только на церковныхъ книгахъ и писати, но не скорописью, а кирилскими буквами. До того то сельского Сократа ходили дѣти на науку.

И я ходилъ съ другими а онъ научилъ мя всего, що самъ умѣлъ. На тѣмъ мало уже закончители мое просвѣщеніе и долженъ былъ я уже вступити въ практику житѣя селянского, котора, розпочинаеся отъ пасенья худобы, переходитъ черезъ нисколько фазъ и кончится на плузъ и косъ.

Но иначе записано было въ книзѣ назначеній.

Нашому педагогу засвітала зъ ѳткисъ до голови мысль, пописатися съ своими учениками передъ о. деканомъ зъ Сокала, который на ту интенцію обѣщалъ заѣхати до нашего села.

Дѣйстно! та мысль мусьла быти вдохновеніемъ св. Духа и то на мой счетъ, бо нашего старого

не змушали до такого кроку, который у многих теперьшних учителей есть Гамлетовскимъ: „быти или не быти“, ани регулямина рады школьной, ани ніякіи рѣчи ни лица, которые мають якую нибудь связь съ тою страшивою институціею.

При пописи заставили мене панъ реентій — такое было *plenum titulum* нашего педагога — читати и то зъ якогось старого требника. Я читаль ажъ любо, потѣмъ казали менѣ продукуватися въ писанью.

Я взялъ крейду до рукъ и поодинокіи буквы, ба навѣтъ слова и цѣлыи положенія черталъ кирилльскими флоресами на черной таблицѣ, що ажъ о. деканъ, поважный и сѣдый якъ голубъ старикъ, усмѣхалися съ задоволеніемъ; а коли прійшла черга на науку катехизма — а треба знати, що та глубока наука не каждому зъ моихъ товаришей хотѣла лѣзти до головы — то до рѣшты зыскаль я собѣ ихъ благоволеніе.

— Шкода того хлопця, онъ мѣгбы учитися — были слова, которые рѣшили о моей судьбѣ.

Призвали мого батька и зачали имъ предлагати, якъ бы то красно было, якъ честно для ихъ а навѣтъ для цѣлого села, еслибы мене давали до школы и выпромовали на челоуѣка. Батько поскробалися въ голову тай кажуть:

— Богъ видить, якъбы я радъ дожидатися зъ него потѣхи, но годъ, головою муру не перебѣшь.

Отець деканъ выпытувалися батька о состояніе финансовое и пересвѣдчилися, що кромѣ хатины и малого городца не было ніякого инного рухомого ани нерухомого маетку и що о дальней моей промощи о собственныхъ силахъ и бесѣды не было. Но такіи челоуѣкъ, якъ той честный душпастирь, если собѣ щось постановить, то дѣти не спочне, доки не снайде средствъ по которыхъ дойде до цѣли.

Коли попрощалъ громаду и всѣдалъ уже на фѣру, еще прикыкаль моего батька, и сказалъ до нихъ:

— Подумаю на тымъ, чобы съ вашимъ хлопцемъ не далоса що зрѣбити.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть первая).

(Продолж.) — Не дай Боже теперь кому быти въ дорожѣ въ таку слоту, промовиль жидъ.

— Менѣ якось ажъ лачно ту самѣй на тѣй пущини, такъ далеко отъ людей, — прошептала Рохля, тревожно надслухуючи.

Въ тѣмъ скрѣзъ свистѣ вътру и плюсканье дощу далися чути на дворѣ людскіи голоса. Зачато сильно стукати до брамы.

— Грицю, — а бѣгайно браму отчиняти! промовиль жидъ до парубчака, который служиль у него.

Гриць повѣли, неохотно пѣднялся изъ своего тапчана и воркотячи щось пѣдъ носомъ та проклинаячи подорожныхъ, що ему и ту хвилю спокою перерывають (хоть та „хвиля“ тяглася для него звычайно цѣлу нѣчь и цѣлый день) поволѣксе повѣли отчиняти браму, до которой все таки не переставало стукати и гримати.

— Небавомъ заскрипѣла брама на завѣсахъ, — стуканье устало, — далися чути смѣшанныи крики, — навѣтъ, якъ здавалося жидѣвцѣ, голосъ Гриця долетѣлъ до ея слуху, — но въ тойже хвили завылъ и засвисталъ вътеръ такъ сильно, що не можно было ничего чути.

Хвиля нѣмого ожиданья настала въ корчмѣ.

Чекае жидъ, чекае своего Гриця, — нема Гриця, жде подорожныхъ, — прикладае лице до ѳкна, щобы выглянути на двѣръ, — ѳкно мовъ бы смоловъ облѣплено!

Наразъ широко отвираются двери, — входитъ пять хлопа съ якимь недобримъ, зловѣщимъ поглядомъ и страшными, густо оброслыми лицами.

— Добрый вечеръ, жиде, — крикнулъ першій изъ нихъ, низкій, рыжоволосый, плечистый хлопъ, котрый, якъ здавалося, былъ старшимъ межи прочими.

— Добре здоровье, — отповѣлъ жидъ. Рохля задержѣла узрѣвши дивныхъ гостей, — стояла блѣда и недвижна опершися о грубу.

— Но, — бачишь братчику, мы ту прійшли до тебе въ гостину! Неправда, — ты насъ не сподѣвался пѣдъ нынѣшній часъ, — га?

— У мене дѣмъ гостинный, мой панове, — отповѣлъ жидокъ, — я мушу каждого часу гостей сподѣватися.

— Но, сли такъ, мѣй любенькій, — заговориль зновъ рыжій, — то гостижь насъ и ставея, якъ належится! Або знаешь що, — вкажи сюда ключи, — насъ есть бѣльше, — скорше сами собѣ услужимо, — а ты не потребуешь, серденько, трудитися!

Товариши рыжого засмѣялися дико на тѣи слова. Жидокъ, хоть потерпалъ цѣлый, еще однакожь не стратиль надѣи, що цѣла рѣчь, котра ажъ теперь зачала ему показоватися грозною, закѣнчится пѣятикою.

— Нѣ, мои панове, — отповѣлъ онъ услужно кланяючись, — ктожь то бачиль, щобы господарь давалъ гостямъ самымъ гоститися а самъ сидѣлъ и дивился на тое?

— Нѣ, нѣ, — не бѣйся, мы того никому не скажемъ! А впрочемъ, сли ти ся не хоче стояти, то

можешь полегаться собѣ — никто ти не боронить! Давайже ключи сюда!

— Але мои панове — —

— Ничь але, — ничь але, — гукнул рыжій, — ключи сюда!

Жидъ не мовлячи и слова отдалъ ключи.

— Хлопці, — сюда! кликнулъ рыжій, — и гурма людей наполнила корчму.

— Натѣ вамъ ключи, — шукайте, перетрясайте — берѣть все що намъ може здатися!

Жидокъ стратилъ совсемъ притомнѣсть, — голова его крутилася, — передъ очима всѣ предметы мигѣли ему неозначеными барвами.

Рохля съ слабымъ крикомъ упала омѣла на землю.

— Гвалть, — ратуйте, кто въ Бога вѣруе! закричалъ що силы жидъ.

— Ого, го, братчику, — мы на таке не годишеся! А нуте хлопці, звязѣть ихъ обоє, завязѣть имъ роты, чтобы не вередилися та вынесѣть онѣ амъ пѣдъ шопу на мерву, най троха провѣтряется!

Хлопці скочили до жидка, завязали его и на бѣль омѣлюю Рохлаю, и безъ милосердія, съ дикимъ мѣхомъ выкинули пѣдъ непошиту шопу на дощ и вѣтеръ. Студень до кости проникала на пѣль на ихъ, — они видѣли свою згубу и съ нѣмою рѣшительностію выжидали ея.

Тымъ часомъ опрышки перетрясли цѣлу корчму, ерешукали всѣ закутки, поперевертали и повалили все придатне въ господарствѣ а не потребне для ихъ, а кромѣ невеликой суммы грошей и то дробными мѣдяками не могли знайти ани шелюга.

— Га, проклятый жидъ, — заверещалъ розоченый рыжій, — правду бѣ казалъ, що пригрозилъ на наше принятіе! Ану но хлопці берѣть ломы, — огню, — берѣть, що треба, — будемъ щирости допытоватися нашихъ честныхъ господарѣвъ, где подѣли гроши?

Съ крикомъ поспѣшили опрышки до жидѣвъ. Цекотрі, — и то велика часть изъ нихъ — здужала все добре подхмелитися знайденою горѣлкою.

Рыжій подступилъ до жидка и копнулъ го ногою дѣячи, що бѣ совсемъ не рушаеся, мовъ неживый.

— А що, нехристе, — ты думаешъ, що ты такъ скимъ коштомъ отъ насъ выдобудешся? О, нѣ, братчику, — мы не такі, чтобы мы за низащо трудилися! Скажи, где ты гроши сховалъ?

И тое мовлячи збрвалъ ему хустку, которою былъ завязанъ его ротъ.

Жидъ вился по земли, котру дощъ въ рѣдкѣ мѣсто розполокалъ — стогналъ и цекотѣлъ зубами, но не казалъ ничего.

— Скажешь, чи нѣ, — собака кровь? верещалъ рыжій.

Жидъ мовѣ бы онѣмѣлъ и шклянными очима поглядѣлъ съ выразомъ тупого рѣвнодушія и розпуки въ лицѣ грозного ватажки.

— Еще ты послѣдній разъ пытаюся, — скажешь чи нѣ, где гроши?

— Ласкаві панове, — убійте мя, посѣчѣть мя на кусники, ели где найдете у мене хочъ пѣль фенника бѣльше кромѣ того, що лежить въ столику!

— А, — та певно, що не найдемъ, — ели ты ихъ позаховувалъ, — гукнулъ одинъ изъ полупьяныхъ бродягъ, — але намъ ту власне о то ходитъ, чтобысьмо нашли!

— Але клянуся вамъ Богомъ и всѣмъ, що для мене святе, дороге и миле, що нѣтъ у мене бѣльше грошей, нѣтъ нѣякого сховку ани навѣтъ намѣренія васъ обманити!

— Ага, бачте, якъ мякне собака, — але небавомъ бѣтъ еще лучше скрушѣ! Хлопці, — ану-но до роботы! Где солома, — загрѣйте го троха въ ноги! Або нѣ, — знаете що, — берѣть насампередъ его прокляту жидѣвку, — бачте, якъ поблѣдла и скорчилась, мовъ муха въ окропѣ! Она намъ скорше все высѣвае, скоро ю припече, — бо добре то старыи люди кажутъ, що жидъ лишь печеный добрый!

Опрышки безъ чувства, безъ милосердія похватили несчастливую, полумертвую Рохлаю; — она мабуть еще была въ омѣнїю, — голова ея звисла, — лице посинѣло, — она и слѣвця не пиенула, коли еѣ брали. А другіи уже зачали повереслами изъ сухой соломы обкручувати ея ноги...

— Боже мой, — моя Рохла! крикнулъ въ крайнѣмъ отчаянїю жидъ и собравши всю силу своен груди закричалъ зновъ:

— Гвалть, гвалть! Кто въ Бога вѣруе, ратуйте, — ратуйте, не дайте души загнати!

Власне въ той хвили утихъ былъ на часину вѣтеръ, и отчаянный голосъ жидка громко роздался по лѣсахъ и горахъ.

Но въ тойже хвили опрышки зновъ завязали ему ротъ, — несчастный мусѣлъ нѣмо поглядѣти, якъ тѣи нелюды забиралися холоднокровно и жартуючи мучили ужасно его любезную, на пѣль мертвую жену, — а сердце его стискало ся въ груди на видъ, що бѣтъ такъ близко неи, що бачитъ ея тяжкіи страданія, ея повѣлье конанье, а не може ей помочи.

Уже клятыи обступили Рохлаю, уже засвистѣли въ воздухѣ ихъ канчуки порючи до крови ея тѣло, — звычайный способъ, котрымъ опрышки будили омѣлыхъ до житья, — уже середъ проклятій, сердитыхъ слѣвъ и ужасныхъ жартѣвъ опрышкѣвъ, далося чути слабе стогнанье мученои, — уже ю допрошуютъ о грошахъ, но она ничо про гроши не знае, — уже ватажка громко кричить: Огню! а въ груди жидка стигне послѣдняя капля крови, — коли въ тѣмъ наразъ роздаеся гукъ рушницъ, — падають

два выстрѣлы, — рыжій и другій опрышокъ трупамъ валяется на землю! Решта розбѣгаеся съ крикомъ, оставляючи свои несчастныя жертвы. Тѣлько корчма, середѣ которой опрышки розложили были великій огонь, занялася въ серединѣ, — дымъ валился отворенными окнами, — а поломѣнь рухомыми огняными языками лызалъ уже, якъ здавалося, стрѣху котра трѣшала, сычала и курилася. За кѣлька минутъ пожаръ обхватилъ цѣлый той просторый будынокъ.

И при тѣмъ свѣтлѣ бѣдный жидъ побачилъ при собѣ стоячого невысокого росту мужчину, котрый розвязалъ его и велѣлъ поспѣшити за собою въ село. Самъ бѣтъ взялъ на руки задеревѣлу Рохлю и обвивши ю въ свой широкій сердакъ понѣсъ мовъ дитину до села.

Но пощожь долше оповѣдати, — вы уже господине Кирило, всего догадалися! Той несчастливый жидокъ, — то былъ — я, а его несподѣванный спаситель — вы!

— Отъ вамъ причина моего поступованья!

— Вчера въ вечеръ передъ сномъ поглядаючи на образъ моеи Рохлѣ, котрый всегда ношу на груди, — я живо пригадалъ собѣ той страшный вечеръ, котрый позбавилъ мене моего мешканья, моего покою и моего щастя на цѣле житье!

— Честный господине, — додалъ Изаакъ со слезами въ очахъ, — вы спасли насъ изъ рукъ тыхъ страшныхъ людей, вы завели насъ до села, — вы на хвилю еще уратовали житье моеи Рохлѣ! Але она несчастлива, не могла пережити того переляку, той муки, котру вытерпѣла на страшномъ вѣтрѣ и зимнѣ, — она, якъ весняный цвѣтъ морозомъ звареный небавомъ звяла на моихъ рукахъ!

Петрѣй такожь живо пригадалъ собѣ тую пригиду. Онъ власне въ той часъ съ однимъ тѣлько слугою выправился былъ до Розгѣрча бо въ тамошномъ камени была такожь одна изъ крывокъ Добошевыхъ, — и онъ хотѣлъ изъ неи забрати гроши и перенести до головного сховку. Лишивши слугу въ селѣ, бѣтъ самъ осторожно, узброеный въ рушницю-подвѣйку и пару добре набитыхъ пистолетѣвъ рушилъ до каменя, а забравши гроши при поворотѣ учуль ужасный крикъ Изаака и поспѣшилъ скоро и осторожно на помѣчь несчастному.

— Я вамъ того николи не забуду, — говорилъ жидъ, — я вамъ завдячаю свое житье, — чому я вамъ не могу лучше отвдячитися? Що значить тое мизерне дѣло, въ котромъ вамъ хочу помочи?

— И то богато значить, мой прѣятелю, отповѣлъ Петрѣй, бо показуе ваше щире сердце! Але будьте ласкави, — скажѣтъ ми вашу дальшу судьбу!

— Послѣ смерти моеи небѣжки Рохлѣ, житье мое сталося единымъ, непрерывнымъ пасомъ жалю, горя и презрѣннѣя. Я осталь безъ дому, безъ средствъ, безъ всего, — я не малъ ни отца, ни матери, ни ні-

якои рѣднѣй на свѣтѣ: и остался круглымъ сиротою. Корчма, хоть не вся згорѣла, вскорѣ розвалилася, бо не было кому взятися до еи направи. Я отъ того часу не мѣгъ и поглянути на тое мѣстце, котре бачило мое страшне несчастье и скитаюся по свѣтѣ межи чужими людьми.

— А чимъ же вы занимаетеся? спыталъ Петрѣй.

— Чимъ занимаюся? О, на тое тяжше отвѣсти, якъ запытатися!

— Тысячныя занятія, тысячныя sprawy переходили черезъ мои руки; — я постановилъ собѣ пѣсля моего несчастья решту житя посвятити помочи и моральному пѣднесеню моихъ братьей!

Петрѣй широко отворивши очи дивился нѣмо на особлившого жидѣ. Тѣи слова задивовали его. Ему николи не трафлялося бачити жидѣ, котрый бы чимъсь подобнымъ занимался, — ему навѣтъ выдавалося съ початку, що страшне несчастье и тревога той ночи, о котрой Изаакъ оповѣдалъ, помѣшали его розумъ, — але поглянувши на тихе, спокойне лице Изаака, на его ясный, разумный поглядъ, бѣтъ зновъ покинуль ту думку и въ задумѣ и молчанью ступалъ дальше.

Х. ИВАНКО.

— Мой отецъ, говорилъ дальше Изаакъ, хоть былъ досытъ убогий арендаръ, то прецѣнь не маючи дѣтей кромѣ мене, старался дати менѣ старанне выхованье и посылалъ мене до шкѣль. Тамъ то уже въ души моей повстали первыи зароды мыслей, котрыи васъ теперь може въ задивованье вводятъ. Отецъ мой постарѣлся, не мѣгъ дальше самъ дѣла вести, — и призывалъ мене изъ шкѣль до дому. Я вскорѣ привыкъ до его невеликого газдѣвства, оженился и по смерти отца зачалъ дальше вести его заробокъ, шинкарство. Ту, въ отлюдной тишинѣ мысли мои, може троха фантастичныи впередъ, дозрѣвали и крѣпилися, — но я все еще таки не смѣлъ зачати дѣланья, — доки страшный ударъ не похнуль мя на тое поле.

— А якажъ цѣль вашего дѣланья?

— Честный господине, — а вамъ такъ богато завдячаю, — вы спасли мене и заховали для нового житья, для новой дороги, которою нынѣ въ нашомъ краю ни одинъ жидъ не ступалъ. Я вамъ виненъ цѣлковиту откровеннѣсть, я вамъ скажу все такъ щиро, якъ того я еще никому дотеперь не сказалъ! Вы бачите сами, що въ нашомъ краю есть богато жидѣвъ болѣе, далеко, якъ ихъ относительно есть въ краяхъ иныхъ.

— Але я былъ нарочно за тымъ въ иныхъ краяхъ, щобы пѣзнати ихъ состоянїе и отношенїя ко христїянамъ. О, господине Кирило, — совсемъ тамъ иначе! Тамъ жидъ есть гражданиномъ державы такъ, якъ кождый иный, — а у насъ онъ есть — пьявкою ссучою цѣлый народъ!

Петрѣй мимовѣльно востхнуль. Онъ бачилъ правду тыхъ слѣвъ, бачилъ ажъ надто добре сумну

дѣйствительность, — але его поразили такіи слова въ устахъ — жиди!

— Най васъ не дивуе моя щира мова о моихъ соплеменникахъ. Менѣ не ходить о тое, щобы таити ихъ злыи стороны, но щобы ихъ по возможности направити! Сами видите, що се въ истѣ такъ есть, що они замѣсть въдачности тутешнимъ жителямъ за тое, що колись, въ часахъ лютого гоненія, ихъ ту гостинно принято, нищать и підкопують ихъ добробыть, приводять ихъ до крайнои згубы! Лихва, піяństwo, туманенъе, то суть тіи фуріи, которыи они напустили на народъ, которыи его обезсиляютъ. А кромѣ того съ якоужь они погордою смотрять на гонима!

— И якъ же вы думаете всему тому зарадити? Чи возможна рѣчь еще направити тое страшне зло?

— Для щирои охоты и сильной воліи ничо нема невозможного, — сказалъ піднесенымъ голосомъ Изаакъ. Ходѣть, — я вамъ скажу, якіи мои думки що до тыхъ пунктѣвъ и якіи были до сего часу мои дѣла на тѣмъ поли, — якіи результаты я осягнулъ, и якіи маю пляны на будучиность.

И Изаакъ зачалъ розвивати Петрѣви свои мысли, — бѣльше меньше такіи самыи, якіи днесъ суть въ устахъ всѣхъ, а до котрыхъ осуществленія стремитъ только не много щварыхъ сердець съ пожертвованьемъ, съ ясными понятіями и горячимъ патриотизмомъ.

Тымъ часомъ наши путники опустили гостиницеъ и вошли на узеньку, но досыть добре убиту гѣреку стежку, котрою дорога была далеко близша, хоть небезпечнѣйша. Стежка та вела черезъ высокіи верхи и густыи смерековыи боры, въ котрыхъ немало было дикои звѣрины. Въ зимѣ никто нею не ходилъ задля волкѣвъ и заметей снѣжныхъ, — и въ лѣтѣ рѣдко пускались нею самъ на самъ подорожники; за то въ двоухъ, въ трехъ, при добромъ оружьи можъ было туда безпечно ити, — а дорога была далеко пріятнѣйша, околиці далеко рѣзнообразнѣйшии, нежели гостиницею. Петрѣй дуже добре зналъ тую стежку и тіи лѣсы, а жидъ аніи хвиліи не отягался нею ити. — Оба небавомъ вошли підъ густый, темно зеленый склепъ отвѣчного бору. Не мало тамъ было такихъ мѣсть, на котрыхъ еще и людска нога не постала, где сокира николи не доткнулася свободныхъ дѣтей прустыни, столѣтнихъ смерекъ и ялицъ. Одною только старостію, вихромъ, перуномъ, або червами поваленыи на землю залягали они еъ своими великанскими пнями, поволи, десятки лѣтъ гніючи и въ конци розсыпаючи на мѣлке порохоно.

Уже зачинало вечерѣти; — наши путники рѣшилися прискорити кроку до найблизшого села, — до котрого однакожъ было еще около трехъ милъ доброй, лѣсовои дороги. Они розмовою скорочували собѣ часъ подорожи и не спостерегли навѣтъ, якъ докола нихъ поволи темнѣло, якъ предметы прини-

мали що разъ то бѣльше неозначеный, видъ злива- ючися съ другими въ невыразну стѣну.

Наразъ тужъ передъ ними щось зашелестѣло, — мабуть звѣрь якіиъ підкинулся выполошенный изъ своего леговища. Петрѣй быстро поглянулъ за утѣкающимъ предметомъ, — но той якось не подобалъ на звѣрину. Петрѣй видѣлъ, що то щось бѣле и бѣжитъ просто, на двоухъ ногахъ. Наразъ утѣкаюче животное, видко запуталосъ ногами въ гущавину и съ розмахомъ гримнуло собою объ землю, — при чѣмъ выдало страшный, людскій зойкъ болю.

— Кто ты? Стой! гукнулъ Изаакъ, котрый не бачилъ сумнои катастрофы утѣкаючого. Стой, бо стрѣляю!

— Та я уже не только стою, але и лежу! простогнало дивне существо плачливымъ, хлопнячимъ голосомъ. Будьте ласкавы, панове, — даруйте ми житѣе, — я вамъ ничого не виненъ, — змилуйтеся, — не погубляйте мене!

— Що такого! говорилъ самъ до себе Петрѣй, — чи мя слухъ обманюе, — чи се и въ истѣ старон Добощучки Иванко?

И Петрѣй приступилъ до хлопця, котрый всегда еще лежалъ на земли и жалѣбно стогналъ просячи о житѣе.

— Але молчи, дурню, — кому ту твоего комарового житя потреба! крикнулъ смѣючися Петрѣй. Иванку, чи се ты?

— Та се мабуть вы, нанашку Кирило? О, слава тобѣ Господи, що вы ту надѣйшли, — я уже гадалъ, що ту згину въ тѣй проклятѣй пустыни!

— Та що ты ту робишь? пыталъ Петрѣй піднимаючи его и оглядаючи, чи где не скалѣчился.

— Нѣ, нашашуню, — я нигде не скалѣчился, лишь ударился троха въ голову и потолокъ си колѣно. Але то ничого, коли вы уже ту, — я не боюся!

Иванко поцѣловалъ Петрѣя въ руку и держа- чися его, якъ бы для бѣльшого безпеченьства за полу, продолжалъ:

— Я вчера рано выгналъ худобу въ лѣсъ и пасу. Ажъ приходятъ до мене Сенько и Ленъко Добощуковы сыны и кажутъ: — Иванку, ходи съ нами! А я кажу: — А худоба? — кто буде худобу завертати? — А они кажутъ: — Не бѣйся, дурню, чортъ худобу не забере! Ходи, — татуньо казали, щобысь ишолъ съ нами! — А я зновъ до нихъ: — Та по що я маю ити съ вами, — и куда я маю ити съ вами? — Але они мене одинъ за одну руку а другій за другу, тай кажутъ: — Ходи дурню и не пытайся, коли ти кажемъ! — Я пѣйшолъ. Мы ишли лѣсами, дебрами, чагарами такими, що крыи Мати Божя, — они передомъ, — а я за ними. Я си гетъ ноги пообщибалъ, — плачу, — кричу, щобы заждали на мене, — але они все кричатъ: Борше, борше, ты жабо мала, мы не маемъ коли! (Прод. слѣд.)

РОЖА.

Вѣнцемъ серебряной росы облита
Весь свѣтъ плѣнае собою,
Не ма надъ нею красшого цвѣта —
Рожа княгиня весною.

Образомъ рожи и ты дѣвице,
Въ веснѣ живешь бо, въ надѣи,
Румяны уста твои и лица,
Якъ зоря око яснѣе.

На чолѣ хмарки и не видати
Ты така мила, красива!
Ты и холодныхъ можешь плѣняти,
Бо весна въ тобѣ отбилась.

Вѣчною небо тобѣ весною,
Всѣ сны о счастью ворожать,
О вѣрь дѣвице, що ты собою
Весь свѣтъ плѣняешь якъ рожа.

О. А. Марковъ.

ЧОРНОГОРА.

До самыхъ болѣшихъ сподвижниковъ sprawy герцеговинской, которая въ новѣйшихъ временахъ занимаетъ цѣлу просвѣщенну Европу вообще а насъ въ особенности, належитъ безсомнѣнно Черногора, край зѣ земель славянскихъ найближшій, где то наибольше кипитъ вражда и борьба противъ насиліямъ Турецкимъ, которые превосходятъ всякіи понятія. Насъ Русинѣвъ сочувствующихъ якъ найгорячѣйше несчастнымъ повстанцямъ Герцеговины, будутъ занимати, подробности о томъ невеликомъ краю Черногорѣ, который помагае своимъ сосѣдамъ наибольше до выборенья ся изъ власти бисурманской.

Надѣмся, що Пчт. Читатели наши прочитають съ пріятностію тую статью, якъ и подобныи того рода, которые надѣмся въ близкихъ н-рахъ замѣстити.

Черногора тягнесь коло Адриатика, высокимъ долгимъ валомъ противъ Италіи; вертепы и глубины, якіи тамъ часто подыбати можна, становлять асилъ для всего, що только поветае противъ высокои Порты.

Въ Черногорѣ жиє народъ, который не зносятъ ніякого насилія; долгая стрѣльба и ятаганъ суть звычайныи товариши Черногорця. Въ Черногорѣ нема мѣстъ, только села; тамъ мешкають не чужіи люди а „братство“, которого члены уважаются свояками. Въ ихъ камѣнныхъ домахъ, збудованныхъ по наибольшой части на высокихъ скалахъ, суть стрѣльниці; всѣ жиють они, якъ мы сказали, мирно, сгодливо, якъ братья, но если повстане яка звада межі селами, враждуютъ противъ себе доти, доки совсемъ одно зъ нихъ не знищится.

Въ горахъ найдешь богатыи череды, а именно овецъ и козъ; вино зле, но за то лучшій мѣдъ.

Властивыхъ дорогъ не знае черногорець; лазить то въ гору то въ долину и не потребуе ніякихъ великихъ комуникацій. Цѣлый край подѣленный на чотыры повѣты званыи тамъ „нагіясь.“ Христіанство не дуже розвинулося у нихъ; цѣла ихъ религіи́ность состоить въ постѣ и въ знамені крестнѣмъ. Каждая родина мае свою церковь и свои монастыри.

Цѣле житѣе Черногорця патриархальне; Святѣсть родины въ рѣдкой тутъ чистотѣ; каждая родина мае свою голову, котрому подчиненныи всѣ. Месть кровава задержалась въ Черногорѣ ажъ по нынѣшний день; старе право наказовало даже: кто ударить ногою другого безъ причины, того може оскорбленный на смѣло убити; послѣдній не мае бояться ничего подобно, еслибъ онъ забилъ злодѣя, схвативши того на дѣлѣ. Но если оскорбленный повздержитъ свѣи гнѣвъ, то оскорбившій долженъ ему заплатити 50 дукатѣвъ, яко вынадгороду и трибуналову таку суму кары. Черногорець есть навскрѣзь военного духа; въ ремеслѣ военномъ управляеть онъ цѣле житѣе; до того подсычае его ненависть противъ Турковъ, про то не можъ ему здѣлати болѣшой ганьбы, якъ ему сказати: „Твои предки померли въ постели.“ Що страсть до рабованья и до грабежи выробилась въ той самой мѣрѣ у Черногорцѣвъ, есть совсемъ природно и новѣйшіи ихъ борьбы съ Турками доказуютъ, съ якимъ бѣшенствомъ справляються они съ своими неприятелими.

Подобно, якъ сыны Черногоры, суть такожь женщины мужественныи и вытрывалыи; они поступаютъ въ всѣхъ походахъ за своими товаришами житѣе.

К. Робертъ, который пильно студіёвалъ Монтенегро говорить о надзвычайной силѣ тѣла женщинъ. Для того то и мужчины занятыи воинскими должностями оставляють имъ веденье всѣхъ домашнихъ работъ. Въ Черногорѣ можъ видѣти дуже часто, якъ женщины съ великимъ тягаромъ на плечахъ ходять по надъ береги пропасти, въ рукахъ своихъ держатъ веретена и балакають межі собою такъ, якъ бы и не чули тягару на плечахъ. Если иде глярваръ (голова родины) или яка будь особа зѣ уряду хотя бы и не зѣ ихъ роду, то кланяются ему ниско и цѣлуютъ въ руку. Однако мимо того пониженья не есть дочь Черногоры забавкою мужа, що до норовственной стороны, якъ дуже часто то дѣеся въ просвѣщенныхъ краяхъ. Дочь Черногоры завѣряеть безъ боязни даже незнакомому. Хорошій полъ не знае тамъ ничо о любви безъ женитьбы, или безъ умертвленья обманщика.

Народныи пѣсни доказуютъ, що войныи черногорскіи почитали давнѣйше собѣ за честь, если удалось имъ перевести женщину на христіанскую вѣру и женитись съ нею.

По женщинѣ есть подорожный найсвятѣйшою особою. Цѣлый край есть дуже гостинный. Если пе-

реѣзджаючи коло подвѣря селянина попросишь о шклянку воды, то принесетъ те господарь скоро, и то даже мѣсто воды вино, если має. Вправдѣ у порога стережуть хаты великіи и страшныи псы, однако, если вступишь въ середину хаты, то каждый старается приподобитися тобѣ, сдѣлати якую услугу; если господарь має подушки, то сейчасъ постелитъ тобѣ на лавцѣ до сѣданья, а самъ усѣвши на камени передъ тобою, подае ти самъ каву, вареныи яйця, уждено мясо, и вино сельское, все на деревянной тарѣлцѣ, котора служитъ за стѣлъ. Если бнѣ подае тобѣ по первѣмъ тоастъ руку, то тое означае, що бнѣ присягае, обороняти тебе ажъ до послѣдней години твоего житья, хотябы и противъ цѣлон арміи. При отходѣ не жадае бнѣ ніякои заплаты, якъ только выстрѣлу зъ твоего оружія, которе отверто свѣдчитъ, що ты гостиною его доволенъ.

Вол. Орликъ.

ПЕРЛЫ.

(Изъятіе изъ подорожи кругъ земли австр. корабля „Новара“).

Островъ Цейлонъ дае всѣ майже плоды индійскіи а при томъ має богатые поклады перловыхъ черепахъ (мушель), которые не всюду находятся. Англійское правительство не дозволяетъ никому ловити перлы, а хоронитъ тое право для себе. Ненасытная захланность губернаторѣвъ мало що до послѣднего невниманія положила перловыхъ и ажъ ученые натуралисты забезпечили ихъ отъ заглады, взявши ихъ зъ припорученія правительства подъ свою опѣку.

Точно тогда, коли „Новара“ находилась на островѣ Цейлонъ, настигла была пора ловли. Що року на початку февраля начинаеся ловля и треваетъ три недѣли. Есть то якъ бы какое народное торжество, на которое съѣзджаются съ всѣхъ сторонъ острова всѣ найдостойнѣйшіи жители, а и самъ губернаторъ съ высшими урядниками.

Наибогатшіи ложница находятся на западнѣмъ побережьи, званѣмъ Кончада, где простираются лихія мѣсточка Арипо и Мазаъ. Побережье тое скварне, черезъ большую часть року заселенное лишь роями наскучивыхъ москитѣвъ¹⁾, затроене нездоровыми міязмами, оживляеся до непѣзнанья подчасъ ловли. Тогда, якъ бы на якіи чары, вырастае непрезримое множество хатъ бамбусовыхъ, покрытыхъ пальмовымъ листьемъ, незмѣрное число крамѣвъ съ всякого рода товарами; пристань наполняеся кораблями различной величины, а сто тысячъ людей готовится, щобъ остати тутъ на двадцать день. Но нето тѣмъ матрозѣвъ и нуркѣвъ снуеся тутъ всюду; найдешъ тутъ и куглярѣвъ и линоскокѣвъ, а даже вправныи въ своимъ ремеслѣ злодѣи прибывають

сюда, надѣючись добре обладоватися. Прибывае также дуже много Индусѣвъ, и обачишь найдивнѣйшіи строѣ индійскіи, отъ богатого набоба²⁾ начавши, ажъ до презрѣваемаго всѣми паріаса³⁾; духовенство всякихъ вѣроисповѣданій збираеся тутъ: брамины, бонзы, дервиши, календеры, факиры⁴⁾, проходжаются свободно по при христіанскихъ священникахъ и пасторахъ.

Понеже спускаться нуркомъ въ море есть дуже утяжливо, то отъ давна старались, чи бы не можна заступити тое звонами нурковыми; но переконались, що таки ніякая машина не гѣдна заступити тое, що зможе вправный нурокъ, который звичайно, яко нагороду, бере четвертую часть зловленихъ черепахъ перловыхъ.

Кѣлькасѣ кораблѣвъ выплывае на море, и стае одинъ недалеко отъ другого. На каждѣмъ находится по 10 нуркѣвъ и по только помѣчникѣвъ. Закимъ нурки начнутъ спускаться въ воду, выступаютъ заклинатель морскихъ чудовищъ, розмахуе руками выкрывляючися, и отмовлюе розличныи слова чародѣйныи, которые мають отерашити людѣдѣвъ и забезпечити нуркѣвъ отъ похищенья. Люди тѣи такіи забобонныи, що нето погане, но и христіане индійскіи за ніякую цѣну не далибы наклонитися спуститися въ воду, доки ажъ дурисѣвътъ такіи не отмовитъ своихъ чарѣвъ. Правительство муситъ ихъ оплачовати; звичайно берутъ они по 10 черепахъ перловыхъ отъ каждого чолна.

Впрочемъ ничего такъ опасного не грозитъ нуркамъ отъ людѣдѣвъ; роздаючіеся зъ берега гаморъ, крыкъ, тысячи погружающихся людей въ море, отстрашуе тѣи хищныи рыбы, а даже, якъ говорятъ индійци, темная краска ихъ скѣры отстрашае тѣи чудовища, про тое гдѣякіи нурки чернятъ собѣ таки тѣло, чтобы еще болѣе отпудити людѣдѣвъ.

Нурокъ бере торбу съ сѣти, привязуе до ноги камень якихъ 25 фунтѣвъ ваги и спускаеся на дно. Тамъ отвязуе камень, который сейчасъ вытягають въ гору, кидаетъ на землю и ползае тримаючися крѣпко дна. Такимъ способомъ, въ продолженіи одной минуты подъ водою, собирае всѣ черепахи перловыи якіи наглеяне, а якъ дастъ знакъ потрясаючи линвою, сейчасъ вытягають его назадъ. Если нурокъ запустится глубше, якъ на 40 стопъ подъ воду, пускаеся ему кровь носомъ и ушами. Звичайно выдержують подъ водою 50 до 60 секундъ, но есть и

²⁾ Набобами зовутся въ Индіи владѣтели, маючіи невеликіи посѣлости, которые суть васалами Англии.

³⁾ Паріасъ, то найнизшая и всѣми презриваемая каста въ Индіи.

⁴⁾ Брамины, священники индійскіи, вѣроисповѣданія браманского, бонзы, вѣроисповѣданія Будды, дервиши, факири, календеры суть то розличныи роды монаховъ, скитающихся звичайно.

¹⁾ Москиты, родъ дуже наскучивыхъ моравлей.

такіи, що 80, або 84 секунд зможуть выдержати въ пропастяхъ морскихъ. Въ продолженіи 6 годинъ ловли, 10 нурковъ спускаются подъ воду по червѣ, и вытягиваютъ по 1000 до 4000 черепахъ, каждый. Якъ угадае на мѣстце где черепахъ есть досыть, то отразу и 150 може ихъ взяти, а густо часто случается, що не вынесетъ ихъ болѣе якъ 15. По укѣнченій дневной ловли, корабли прибываютъ до береги; черепахи дѣлятъ на четыре части, одну берутъ нурки а прочіи укладываютъ въ купки по 1000 штукъ и продають публичною лицитаціею кто болѣе заплатитъ.

Есть то, якъ бы яка лотерія, слѣпый случай; часомъ случается, що одна черепаха має въ собѣ 30—40 або и болѣе перелъ, зъ котрыхъ гдѣкии таки на мѣстци можна продати по кѣлька дукатѣвъ за штуку, но случается также, що въ кѣлькохъ черепахахъ не найдешь и одной перлы, хотьбы дробной. Дробненькіи якъ пѣсокъ перлы складають окремо, а промышленники палять ихъ на вапно, совсѣмъ подобное до звичайного. А що нигде не найдешь и кутка, где бы не было дураковъ, що то любятъ збытокъ та гроши за окно выкидати, то и ту есть богатыи маляйчики, которыи купуютъ то вапно по высокихъ цѣнахъ и жуютъ его потомъ съ бетелемъ и арекою, перехвалаячись съ тымъ передъ другими. Бетель есть то родъ перцю змѣшанный съ орѣхомъ ареки и посыпанный негашенымъ вапномъ. Перлы, которыи не мають полыску, даютъ жители Цейлона курамъ ѣсти; въ волѣ ихъ набирають они прекрасного полыску. Куры такіи потомъ рѣжутъ, а добытыи зъ нихъ перлы идутъ на продажъ.

Мушліи выдающіи перлы, належать до черепахъ званныхъ по лат. *Meleagrina margaritifera*; суть они подолговатыи и мають около 10 цалей въ округъ. Выловлюють ихъ що року по кѣлькнайцять миліонѣвъ; за нашего побыту (въ Февралѣ 1858) ловля перелъ принесла 25.000 фунтѣвъ штерл. Слѣдующаго года, якъ мы дождѣлися, выпала ловля еще лучше. Въ 18-тя дняхъ, 1352 кораблей, занятыхъ ловлею перелъ, выловили 9,534.900 черепахъ, которыи продано за 48.216 фунтѣвъ штерл.

Давнѣйше думали, що перлы повстають только въ слѣдствіе хоробы черепахъ, но новѣйшіи изслѣдованья показали иначе. Ученый натуралистъ Оедоръ Гесслингъ издалъ окремое сочиненіе, въ котромъ доказуе, що перлы творятся въ опонѣ черепахи, которая отвирается на верхъ; черезъ той отвѣръ втискаются чужіи субстанціи якъ н. пр. зернятка пѣску, останки рослинъ, а тѣи уражаютъ нѣжное тѣло черепахи а даже калѣчатъ. Тогда выдѣляеся зъ черепахи плынь и обливаючи н. пр. зернятку пѣску або що другое, тужѣе на нѣмъ веретвами; такимъ способомъ творится перла.

Потому, що перлы рѣдко где находятся и суть дуже цѣнныи, роздумовали люди, чи не можна бы

ихъ штучно утворити. Зачали впускати зернятка пѣску до черепахи, межи скарлупкою а опоною, и тѣи съ часомъ покрывалися перловою массою. Китайци берутся до того дуже зручно; недалеко города Гу-теу суть особныи заведенія до вытворюванья штучныхъ перелъ. Сыны „царства небесного,“ незадовольются однакъ округлыми перлами, но вырѣзають чрезвычайно дробненькіи фигурки, представляющіи по болѣшой части Будду, китайского пророка, въ поставѣ сидящей. Перловый плынь обливаетъ тѣи фигурки, стинаеся на нихъ и творить отвѣтныи подробности.

Ст. Л. Смѣлковъ.

Теперѣшныи приборы и снаряды и ихъ исторія.

I.

Смотрячи уважно на розличныи потребности, звичай и обычаи, якихъ теперь образованный чоловікъ держится въ своемъ щоденіи житію н. пр. коли сѣдае до стола, або коли спати кладется, неразъ настойчиво насуваеся неодному цѣкавая гадка, зъ ѣтки тое или другое у насъ взялося, отъ якъ давно оно у насъ завелось и т. д.

На неодну не зналибы отвѣтити и сами найученнѣйшіи изслѣдователи старины, такъ отъ давно не одно уживаеся. О чѣмъ же далосъ выслѣдити, съ тымъ мы и съ чт. читателями дѣлимся.

Нѣжъ и ложка, хотя совсѣмъ простои ординарной формы находится въ дома у найдавнійшихъ народовъ. **Вилки** суть уже новѣйшого изобрѣтенія. Въ старинѣ даже на дворахъ царскихъ никто не видѣлъ въ тѣмъ ничого неприличного брати стравы пятирникомъ, пальцами, якъ то еще и теперь роблять простыи люди. Першіи вилки были цѣліи желѣзныи и мали только два пальца. Находимъ ихъ доперва въ 12 вѣку а еще и въ 16 вѣку рѣдко где можна было ихъ подыбати въ Франціи и въ Нѣмеччинѣ, въ первой половинѣ 17 в. въ Англіи, а и теперь еще въ Испаніи и Россіи. Въ Хинахъ ѣдятъ двома прутиками тѣи стравы, що у насъ вилками. Уважали ихъ яко люкеусъ.

Глиняныи **горшки** знали уже Израилтяне за Мойсея (3 Мойс. 6, 28.) Въ Греціи и Италіи розпространились ажъ пѣзднѣйше. Коли еще горшкѣвъ не знали, великая была непоряднѣсть тогдашнихъ господинъ. И такъ есть народы, що не знали иначе свиню зварити, якъ только такъ: въ выпатрошенный живѣтъ заколенной свинѣ кидали розпаленыи камни, где лежали доки ажъ неостигли, почѣмъ сновъ новыхъ накидали, ажъ доки мясо не припеклося. Иныи зновъ народы наливали воды въ воглубленія скалъ и доти кидали въ воду горячее камѣнье або углье, доки мясо або ярина вложеныи въ воду не приварились. Недостаточнѣсть, тай невыгода при такомъ варенію вразъ

съ случаємъ розумѣется споводовали, що помалу вы-
годнѣйшіи, отвѣтнѣйшіи приряды найшлись до варе-
нья. И такъ нѣкоторые народы южной Азіи варили
рижъ въ лупинѣ съ кокосового орѣха. Приставляю-
вали еѣ до огня и рижъ уварювался закимъ огонь
совѣмъ спалилъ лупину. Уже не малое улучшение
завелось, коли зачали дерево выжолоблювати и въ
нѣмъ варити стравы. Хотя зъ початку дерево го-
рѣло въ огни, но понеже огонь розкладали звы-
чайно на земли, або густо-часто и въ выкопаной
ямцѣ, то дерево повлекалося верствою глины, або
глинки, и черезъ тое мало уже яку-таку предохра-
рону отъ огню. И може быти, що то дало поводъ до
изобрѣтенія штуки горнчарскои, которая такъ въ
клясиной старинѣ зацвила, що тогдашныи выробы
еще теперь служатъ намъ яко взоры. Именно въ
Коринтѣ цвило горнчарство, а зъ ѳтти въ 6 вѣку
розпросторонилося до Етрурии.

Першіи тарели на которыхъ ѣли люди, были то
кружки зъ спѣдной скѣрки зъ хлѣба. Ажъ пѣзднѣйше
прійшли на тое, щобъ робити тарели зъ дерева, по-
томъ зъ глинки, а въ конци и зъ металю. Зъ мета-
ловыхъ, циновыи найдолше были въ употребленію.

Обрусѣвъ и серветъ, безъ которыхъ сегодня
образованный челоувѣкъ не обѣдѣе, зачали употре-
бляти за временъ Карля V. (1519—1558). Передъ
тымъ подкладали подъ полумиски и тарели звѣрячіи
скѣры. Обрусы давиѣйше мали высокое значеніе и
важнѣсть. Такъ н. пр. если рыцарь якій потерпѣлъ
на чести, или тяжѣло на нѣмъ какое провиненіе, то
могъ герольдъ розтяти передъ нимъ обрусь, а тарели
и хлѣбъ подавали такому переверненныи.

Пити „на здоровье“, въ чіюсь честь и тоасты
есть обычай дуже давный, перенятый отъ Римлянъ.
Первыи Христіане выхилили бокаль, чтобы отдати
честь мученикамъ и другимъ угодникамъ. Пѣсля
другихъ, тоастъ былъ первобытно чисто матеріаль-
ного свойства, а чувство немало тутъ ніякого мѣстця.
Былъ то, якъ кажутъ, ничо бѣльше, якъ кусень пе-
рекуски, тѣсточка, якіи плавають звычайно въ каж-
дѣй вазѣ пончу. Понеже англичане при всякихъ при-
говоркахъ любятъ звычайно мачати въ вино кусники
хлѣба або тѣсточки и ажъ потому ихъ закусовати,
то здаеся, що съ часомъ имя тоастъ (то значить
присмаженный кусникъ хлѣба) сталося общеупотребля-
емою назвою на застольную бесѣду.

О поньчохахъ не чуваль еще никто передъ 200
лѣтами, а еще 100 лѣтъ тому назадъ рѣдко ихъ
где-кто носилъ. Ихъ завелъ нѣкій Вильямъ Лее въ
Кембриджъ, который также вынайшолъ прирядъ до
робленья поньчоховъ. Изобрѣтеніе то розпросторилося
въ 1614 г. ажъ до Венеціи, а зъ ѳтти по всей Ев-
ропѣ.

Но ктобы сказалъ що **сорочка**, безъ которой ни-
кто теперь не обѣдѣе, богачъ чи бѣдный, доперва

въ новѣйшихъ часахъ войшла въ ужитокъ. Еще въ
15 вѣку сорочку уважали за великій люкеусъ; жена
Карля VII была единственна на цѣлу Францію жен-
щина, що мала бѣльше якъ двѣ лѣныхъ сорочокъ.
Въ 16 случалось еще, що яка княгиня давала якому
князю яко даръ одну сорочку, яко щось надзвы-
чайное. Среднее сословіе въ Нѣмеччинѣ, за временъ
реформации спало звычайно безъ всякой одежи.

ВСТУПНАЯ РѢЧЬ

Дра КЛИМЕНТА ГАНКЕВИЧА

держаная дня 16. (28) Октября 1875 при розпочатію препо-
даваній литературы русской въ университетѣ черновецкомъ.

(По стенографическимъ запискамъ.)

Честныи слушатель! Стародавний академическій
звычай вкладае на професора, вступающего першій
разъ на катедру университетскую обовязокъ, абы ска-
залъ где-що о своей особѣ, о своихъ поглядахъ и
становиску, яке заняти намѣряе. Покликанныи на ка-
тедру русского языка въ сей ново основаной святыни
Музъ, хочу и я сему требованію удовлетворити. Въ
першѣмъ взглядѣ мой отвѣтъ легкій и поединчий:
я не чужій челоувѣкъ, я не пришелець изъ далекихъ
сторонъ, я кость изъ костей Вашихъ, я кровь изъ
крови Вашей. Мое сердце, такъ якъ и Ваше, радостію
наполняеся на видъ добрыхъ и красныхъ подвиговъ
народа русского, а смуткомъ переполняеся на видъ
противныхъ объявѣвъ въ житію нашѣмъ народномъ.

И не приходжу, чтобы розпространяти чужу куль-
туру, але абы нашу власну, питому, родинну под-
крѣпляти, абы дати свидѣтельство старой, ясной, но
отъ многихъ оспорываемой правдѣ, що Русины жиють
и жити будутъ, що они уже передъ многими столѣ-
тіями дѣлали, дѣлають и дѣлати будутъ, для развитія
своихъ уметвенныхъ дарованій и поднесенія народ-
ного житія. Я одинъ есмь тутъ, котрый изъ катедры
могу промавлати до Васъ нашимъ, дорогимъ, рус-
скимъ, рѣднымъ словомъ. Я есмь въ тѣмъ щасливѣмъ
положенію, що не маю обговорювати дѣла чужихъ
мудрѣвъ, але розкрывати тѣи великіи духовныи
скарбы, котрыи прадѣды наши безпрестанно скла-
дали и теперь батьки и братья наши складають на
жертвенники славы народной.

Такъ якъ селянниъ, овѣяный свѣжимъ возду-
хомъ утреннимъ, съ радостію пристувае до сѣяння
на батьківщинѣ, коли ему братья и знакомыи щастья
желаютъ и красна погода благословеніе неба вѣ-
щуе, такъ и я съ радостію приступаю до того
великого и тяжкого дѣла, бо Ваше тутъ присутствіе,
всечестныи и высокопочтенныи слушатель, есть менѣ
порукую прихильного изъ Вашей стороны успосoble-
нія для общой sprawy.

Для того я, кидючи нині тут межі своїми перше зерно духове, поздоровляю вас всіх широрусским словом: Щастя Боже! к розпочатому общому дѣлу! Дай Боже, щоб оно упало на добрый грунт, абы прозябало и выдало стократный плод русскаго поколѣня, свѣтлого розумомъ, чистого сердцемъ, сильного волею — щоб молодці наши, найкрасша надѣя наша, якъ соколы рознесли узбранны тут сокровища духовыи по стѣпахъ и горахъ буковинскихъ, въ палаты вельможъ и хаты селескіи, щоб нива наша родинна красно зацвила духовымъ житьемъ русскимъ!

Я сказалъ, що дѣло нині розпочате есть обще. Такимъ оно есть воистинно, и то изъ двохъ взглядовъ. Насампередъ для того, що проф. унив. и его слушатели суть неразрывною цѣлостію; если цѣль академической науки мае ся точно исполнити, муситъ учащий и учащійся быти гармонійною едностію. Университетскій слушатель не повиненъ ся задовольняти мертвою репродукціею, онъ повиненъ съ свѣдомостію оріентоватися въ преподаваемыхъ предметахъ, онъ повиненъ самъ изслѣдовати, а на дорожѣ самодѣльныхъ науковыхъ изслѣдованій сходятся профессоръ и слушатель разомъ, на той дорожѣ, котра ихъ веде до найвысшей цѣли життя человеческого, до изслѣдованія правды. Общимъ есть дѣло наше для того, бо розтягаея не на одну мѣстцевость, не на одинъ округъ, але на цѣлый край, на цѣлый народъ. Стараймо ся все соединенными силами, шире и сердечнее, абы тѣи надѣи, якіи нашъ край и Русины въ томъ университетѣ покладають, не збѣтали заведенны.

Межъ всеми занятіями человеческими есть одинъ родъ праці, безъ которой все прочіи збѣтають только слабыми порывами неокресаной силы — безъ надѣи, збѣтатися до кульминаційного пункту свѣдомой досконалости. Есть то праця духовна, котрой всегда и всегда належится перше мѣсце. Великіи суть богатства природы, чудесное устроение тѣль небесныхъ, але краснѣйшіи суть и бѣльшіи богатства, зложенны въ глубинахъ духа человеческого. Наука выдобывае ихъ на верхъ въ формѣ умислового свѣтла, которое поставлене на выжинахъ общаго бытія, на выставѣ всемірной поступи человечества, привлекае каждого магичною силою; подъ вліяніемъ того свѣтла прибирае цѣле человечество краснѣйшій видъ, а съ хаосеу слѣпой конечности выдобываея панованье идеен. Съ яснымъ понятіемъ, съ благороднымъ чувствомъ, съ сильною волею иде такой народъ напередъ, абы исполнити и розширити все, що добре и красне, и собѣ матеріальный добробытъ забезпечити. Если наука для каждого народа есть рѣчею важною, о скѣлько важнѣйшою и пожиточнѣйшою буде она для насъ, котрыи позбавлены есмы многихъ матеріальныхъ условий для развитія життя народнаго. Въ на-

уцѣ цѣла наша сила, цѣла наша будущиность — она послѣднее але найсильнѣйше наше приближище. Дѣлаймо, дондеже день есть! Черпаймо изъ того неизмѣримого жерела воду животну, котрая, якъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ оповѣдаея, додае титанической силы; она покрѣпитъ умы и сердца наши, повстануть межъ нами могущіи богатыры, котрыи силою духа своего поставлять насъ на рѣвнѣ съ другими образованными народами. Ново открытый университетъ дае до того добру способность. Университетъ — то пристанище найвысшого умислового образования и науковыхъ изслѣдованій, стоящій якъ бы свѣтильникъ верху горы, обдаренный свободою и великими средствами къ достиженію своей цѣли. Исторія университетовъ есть отъ колькохъ столѣтій исторіею умственного развитія и поступу народовъ. Университетъ мае не только репрезентовати науку и подавати певну мѣру фаховыхъ вѣдомостей, але такожъ стягати до винограду робѣтниківъ, котрыи бы, жыючи житьемъ народа, тое житье познали и свѣтлѣйше подносили — и въ томъ лежить его етична задача. Наука есть для себе самой цѣлею; но тая правда не выключаетъ навѣтъ по засадамъ трансцендентальной философіи другихъ головныхъ ей знаменъ, а именно що она повинна быти живою и жизнедайною. Гармонійное образование розуму, сердцу и воли становить взглядне совершенство человека. Умъ, найвысша сила душевна, муситъ получитися съ любовію, принципомъ животворящей силы, абы слово сталося тѣломъ, мысль дѣйствительностію

Академики повинны не только умственно образоватися чистымъ идеальнымъ стремленіемъ, повинны набрати гарту души, абы все тое, що разъ яко правдивое и доброе узнали, въ практичномъ житіи безъ взгляду на личныи корысти визнавали и отвѣтно дѣйствовали. Та высока задача исполнится, если изъ нашего университета будутъ выходить не трусливыи карьеровичѣ, але мужи, котрыи съ оружіемъ глубокого знанія и сильного переконанья будутъ смѣло, всенародно и ревню дѣлати для морального и матеріального поднесенья бѣднаго народа нашего.

Университетъ дае слушателямъ велику свободу — бо надѣея, що они той дороговѣности надбуживати не будутъ. Академики повинны изъ ней корыстатися для всесторонного образования и утверждения моральныхъ засадъ — бо то суть головныи подставы ихъ будущаго дѣланія.

Для достиженія тыхъ высокихъ цѣлей, котрыи передъ нами розкрываються, есть насампередъ конечно потребною еднѣсть, мати щастливого и полезнаго успѣванія всехъ общихъ дѣлъ. Если межъ нами споры повстають, удаймося до безстороннаго, справедливого, хотя строгаго судіи. Громада великіи человекъ, каже русская пословица; яко Русины удаймося до найвысшого громадскаго суду — а тымъ есть

наука, соединяющая всѣхъ образованныхъ людей. Подъ ей вліаніемъ утихомиряются намысленности, выясняются непорозумѣнія, упадае все, що есть поверховне, припадкове и субъективне, а збѣтае тільки одна об'ективна правда.

Такіи суть мои погляды, таке становиско я за-
няти постановивъ.

Наконецъ осмѣляюся выразити одно прошеніе, абысьте дорогін Родимцѣ мене въ моимъ тяжкѣмъ и важнѣмъ предпріятію вспирати благоволили; не желаю того для себе, але для доброй справы, которой веѣ служить повинни.

ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ИЗЪОБРЕТЕНІЙ.

Діагометръ. Проф. Пальміери изобрѣлъ новый аппаратъ т. з. діагометръ, до выпробованья олѣю, оливы, и тканинъ. Аппаратъ той выказовати буде доброту оливы, отличати буде оливу отъ олѣю, оказовати чи олива — хотя бы наилучшая — не есть съ олѣемъ смѣшана, буде отрѣзняти роды олѣю, а наконецъ, буде показовати чи въ тканинахъ которыхъ продають, яко правдивыи баволияныи, находится баволна, и кѣлько еи тамъ есть. Неаполитанская изба для торговли и штукъ красныхъ выражаючи за тое изобрѣтеніе полную признательность проф. Пальміери, оголошена точное описанье аппарата вразѣ съ инструкціею, якъ его належитися употребляти.

Машина до писанья для своей практичности входитъ що разѣ бѣльше въ употребленіе. Есть ей ажъ два роды: машина Ганзена, есть дуже дорогая и прото меньше еи употребляютъ, и машина изобрѣтенія американца Lathacu Sholles. Послѣдняя есть практичнѣйша и въ Соединенныхъ штатахъ есть отъ якогось часу въ уживанью. Зѣ объема и поверховного вида, подобна есть она до машины до шитья. Писанье отбываеся черезъ притисканье (якъ на фортепьянѣ) клавишѣвъ, съ котрыхъ каждый отбиваетъ букву, або число. Письмо, а лучше сказати друкъ, есть выразное и точное. Коли машиною можна въ одной минутѣ написати 60 слѣвъ, наилучшій писарь може въ томъ часѣ рукою тільки 30 слѣвъ написати. Отже машина та прискоряетъ два разы роботу. Современно можна отримати и значное число копій. Наука способу писанья тревае найдолше 14 дней. Таковъ машины уживають теперь въ Америкѣ всѣ наибѣльшіи товарищества телеграфичныи, адвокаты и правительственныи власти. Общество Western Union Telegraph Company и Illinois Central Rail-road Comp. которыхъ по всѣхъ бѣльшихъ мѣстахъ мають свои фвлін и тысячи залагоджають интересѣвъ, отъ часу нового писанья машиною заощадили рочно 200.000 долларѣвъ. Машина стоить наибѣльше 125 долар. однакъ машина найновѣйшой конструкторіи нѣкого Дауля має тільки стояти 50 доллар. Можна еѣ легко переносити.

ЛИТЕРАТУРНЫИ ИЗВѢСТІЯ.

Новоо житье — новый ладъ, подъ такимъ заглавіемъ выйде незадолго брошюрка изданая грамотными жителями Лабшина, которыхъ уже минувшого года „Тальмудъ“ издали. Книжечка та составлена довольно оригинально стихомъ и прозою. Цѣна 10 кр

— Якъ зачуваемъ, намѣряе г. Желеховскій зрѣбити новое прекрасное изданіе „Маруси“ съ иллюстраціями.

— Редакція „Ластѣвки“ печатаетъ въ ставропольской типографіи книжечку для дѣтей подъ з. „Наша хата.“

— Въ другѣй львовской типографіи печатаются „По-вѣсти для дѣтей“ проф. Ем. Огоновского, но кѣ сожалѣнію правописью ц. к. рады школьной.

Лопата, юмористическая газета зачала выходить въ Черновцахъ. Першій ей Н-рѣ уложеный досытъ удачно, а гдѣкуды дослѣдный таки правдивый юморъ. Мы совѣтовалибъ тільки пчт. редакціи, чтобы старалася не локализовати „Лопаты“ на Черновци или Буковину, но стремити кѣ тому, чтобы газетка возбуждала интересъ всей австр. Руси, подобно, якъ старый „Страхопудъ“. Еслибъ веѣ Н-ра такъ были издаваемыи, якъ Нрѣ. 1. то смѣло моглибы мы припоручити „Лопату“ нашему кружку читателей. Предплата выноситъ на цѣлый годъ 4 зр.

Извѣстный лингвистъ Малиновскій издавшій недавно славянскую грамматику, изготовилъ — якъ изъ Позидия доносятъ — на дняхъ рукопись грамматики малорусского нарѣчія, которая кажется и поступитъ незадолго въ печатню.

Посля найновѣйшихъ извѣстій, знаменитый писатель Жюль Вернь (Jules Verne) авторъ такихъ сензаціонныхъ романѣвъ, якъ „Подорожѣ вокругъ земли,“ и прч. издаетъ вскорѣ сочиненіе Michel Stroganoff въ которѣмъ буде описанье подорожи изъ Москвы до Иркутска.

— Въ Temps помѣщаеся романъ Сталя „Maroussia“ передѣланный, якъ сказано, изъ русской легенды de markowozok (Марко Вовчокъ). Видко, французы много скорыстають изъ русской литературы и жизни!

Домашній скотъ. Руководство для малыхъ земледѣльцевъ, якъ домашній скотъ кормити, множити, плекати, употребляти и отъ недуговъ захороняти, чтобы зѣ него по возможности безпечную корысть мати. Написалъ Игнатій Галька. Львовъ. 1875. Подъ повысимъ заглавіемъ розсылае теперь общ. Мих. Качковского уже IV-тую книжечку своимъ членамъ. Книжечка то дуже полезная для нашего народа, именно для зрѣлыхъ господарныхъ селянъ. Въ гдѣякихъ мѣстцахъ тільки можнабы сказати, що за високо писана, зважаючи що наши селяне еще нѣякого приготвления не мають до читанья научно-хозяйственныхъ хотя и популярныхъ сочиненій. Отъ подробнѣйшого розбора на теперь воздержуемся, надѣяючисъ незадолго замѣтити обширнѣйшій розборъ изданныхъ до теперь книжечокъ общ. Качковского.

Якъ довѣдуемся, печатати буде Общество Мих. Качковского яко V. книжечку „Любовь отчины“ о. Ружицкого. Подъ такимъ заглавіемъ составилъ авторъ найновѣйшую историю гал. Руси.

ВСЯЧИНА.

— **Злодѣйскій промыслъ.** Въ парижскѣмъ театрѣ Varietѣ выступаетъ теперь актеръ Моррисъ. Выходитъ онъ на сцену въ чорнѣй одежи и перемѣняетъ еи таки въ очахъ публики то въ костюмъ селянки, матрозы, старца и проч. Актеръ той має теперь въ Лондонѣ опасного соперника, хотя той дѣйствуетъ совсемъ въ инѣй галузи штуки. Отъ якогось часу выставлены суть лондонскіи ювелиры и банкиры на особенного рода обманство. И такъ и. пр. входитъ до skleпу якійсь старый, якъ здаеся по одежи, богатый панъ съ сивого

бороною, и жадае оглянути якій брильянтовый гарнитуръ; хоче, якъ каже, своей женѣ якій подарокъ зробити въ день ей уродинь. Показують ему розличныя дороговѣнності, онъ оглядає все уважно — и однимъ скокомъ удаляєсь зъ склепу. Купци и купчики выльтають на нимъ, — старикъ счезъ; тільки передъ склепомъ оглядає якась дѣвчина выставленныя рѣчи, бѣльше на улицѣ никого не видно. Або снова до какой банкирской конторы входитъ якій богато огадонованный локай и жадає замѣняти якій значный банкнотъ, для своего пана. Но якъ только вычислѣть гроши, хватаетъ онъ въ мигъ и гроши и банкнотъ и утѣкаетъ. Выльтають все зъ конторы, гонять за нимъ ажъ до найближшого рогу улицы, но тамъ зникъ уже локай; на противъ иде лишь похитуючись добре подхмеленый матрозъ, но онъ каже, що ніякого локая не видалъ. Такіи крадежи случались отъ кѣлькохъ мѣсяцевъ дуже часто, но полиція ніякъ не могла злодѣя выкрыти. Ажъ разъ слѣдующее случилось: Одинъ купецъ прійшовъ скорше якъ звичайно до дому, но заставъ двери розбитыи. Скоренько вернувся тихцемъ на улицу, и прикликалъ кѣлькохъ полиціаевъ; двоухъ зъ нихъ остало при входѣ до дому на стражи, а прочіи съ купцемъ ввійшли въ середину, до комнаты, где нашли злодѣя совсемъ занятого перегляданьемъ бюрока. Полисмены кинулись на него, но онъ якось вывинулся имъ, збѣгъ сходами, но коли видѣлъ, що полисмены за нимъ бѣгутъ, утѣкъ въ якусь комнату въ томъ домѣ. Полисмѣны за нимъ; но въ комнатѣ не было и слѣду якого злодѣя а только на постели сидѣлъ старецъ уломный, хоровитый, и дрожачимъ голосомъ нарѣкалъ, чого ему перескаджать. Понеже зъ комнаты той не было другого выхода такъ полисмены не хотѣли уступити и брались до старца. Но старецъ, якъ только кто доткнулся его, то кричалъ зъ болю и божилося, що ніякъ таки зъ мѣсяца рушится не може. Но коли одинъ агентъ полиціейскій подносилъ старца, впала ему въ око стяжка, которою старецъ былъ оперезанный; онъ потягнулъ за ню, ажъ ту уломный старецъ — перемѣнился въ жвавого жолібра. Такимъ способомъ выявился злодѣй, а увидѣвши, що уже ніякъ не выкрутится, признался до всего. Есть то американецъ и зовеса Джемъ Вестернъ.

Пустинникъ за нашихъ часѣвъ. Англичикъ Гамильтонъ, казалъ собѣ заложити въ Собѣамъ въ графствѣ Surrey великій паркъ, и щобы романтичный повабъ его увеличити, захотѣлъ онъ для построенной пустыни такожь мати и живого пустинника. Розказалъ протое черезъ публичныя газеты такого шукати. Условія, которые онъ вымагалъ отъ такого пустинника были слѣдующіи: онъ долженъ былъ зъобовязатися вступити на 7 лѣтъ, по истеченію которыхъ малъ получить 70) гвинеевъ. Онъ не долженъ ничъ съ собою принести кромѣ бібліи, очокъ, телескопа, рогожи для постелѣ, бесаги вмѣсто подушки и клансидры. Наноемъ его мала быти вода зъ потока що плылъ мимо его комѣрки; харчъ малъ ему щоденно приносить служащій, который не долженъ былъ ніякого слова до него мовити. Пустинникъ долженъ былъ убраться въ чернечу одежъ, ногтей не обрѣзовати, не голитися и саидалы носити. Не долженъ былъ отдалятися зъ мѣсяца для него назначенного. — Гамильтонъ найшоль истинно такого чоловіка, который дался приманити, но онъ не выдержалъ долше якъ — 3 недѣли.

Чортъ яко адвокатъ: Чи были Вы у кліента, щобы ему мою ликвидацію предложить, запыталъ адвокатъ писаря.

„Такъ есть.“ отвѣтилъ тойже.

„И що жъ онъ на тое сказалъ?“

„Казалъ, щобы я собѣ до чорта съ тимъ пойшовъ.“

„Такъ? и що Вы здѣлали потомъ.“

„Но, та прійшовъ я до Васъ г. адвокатъ!“

— До одного священника прійшла стара баба и пыталась въ великомъ смутку и съ тужнымъ лицемъ, чи она по смерти поїде до неба? Священникъ отвѣтилъ: „Не грьзѣтся; Вы пойдете певно до неба, понеже въ св. писмѣ стоитъ: въ пеклѣ буде плачь и скрежетъ зубѣвъ, а Вы не маєте ани одиѣсенского зуба.“

Новинки.

Баль устроиваемый Общ. „Акад. Кружокъ“ отбудется непременно дня 27 Янв. (8 Февр.) въ сѣняхъ „Народ. Дома“. Комитетъ устрояющій починилъ великіи приготовления въ цѣли хорошаго устроєнія бала. Комитетъ надѣется много гостей изъ провинціи.

Съ пріятностію доводѣмъ, що до основателей недавно завязавшогося Общества археологичного во Львовѣ, належить тоже и нашъ Высокоуважаемый трудолюбивый историкъ проф. Дрѣ. Изидоръ Шараневичъ. Тое Общество, якъ увѣдали мы зъ достовѣрнаго жерела, намѣрає звернути передъ всемъ увагу на археологичныя останки, которые знаходятся по нашихъ церквахъ.

Корреспонденція редакціи: Г-жа Петр. Б. въ Уг.: предплата кончится Вамъ съ концемъ I. квартала 1876 г. Г-жа Е. К. въ Уг.: Мы получили предплату за I. и II. кварталъ. Г. Ив. Я. въ Стар: Предплату и 1 зр. на общ. М. Качк. получили и секретарю доручили. О. Ал. К. въ Д.: Вы еще въ рестанціи у насъ за III. и IV. кв. 1875. Присланы 1 зр. 80 кр. записали мы на 1876 г.

Въ редакціи „Друга“ сложили: Впр. о. деканъ Левъ Полевый на „А. Кружокъ“ 2 зр. на буреу Нар. Дома 2 зр. на Герцеговинцевъ 2 р. 40 о. Лукашевичъ на „А. Кружокъ“ 1 зр.

Отъ издательства.

Въ имя Господне розсылаемъ Ч 1. Починивши возможные улучшенія въ издательствѣ побѣльшивши объемъ „Друга“ не подвысшаючи предплату, при такъ утяжливыхъ обстоятельствахъ, надѣемся, що и птч. Родимци попрутъ наши усилія.

Въ Администраціи получить можна еще рочники „Друга“ зъ 1874 г. по 2 зр. 70 кр. и зъ 1875 г. по 3 зр. 60 кр.

Въ пользу славянскихъ семействъ
пострадавшихъ во время смутъ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ И БОСНІИ

продается свѣжо появившаяся полу-историческая повѣсть подъ заглавіемъ

ПЕРЕКИНЧИКЪ.

Сочиненіе то можно получить по цѣнѣ 16 кр. за экземпляръ въ книжной лавцѣ Ставропигійского Института во Львовѣ. Также можно замовляти посредствомъ русской Бесѣды въ Черновцахъ (у г. Вѣнцовского); посредствомъ редакціи „Русской Рады“ въ Коломыѣ; посредствомъ г. Анатоля Кордасевича (оконченного слушателя св. богословія) въ Самборѣ (Перемышльская улица); посредствомъ г. Ивана Решетыла въ Перемышлѣ.

Замовляющіи съ пересылкою подъ бандеролею добавляють 5 кр. на оплату почтовую.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчаетъ Алексей О. Зафѣвскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійского во Львовѣ 1876.